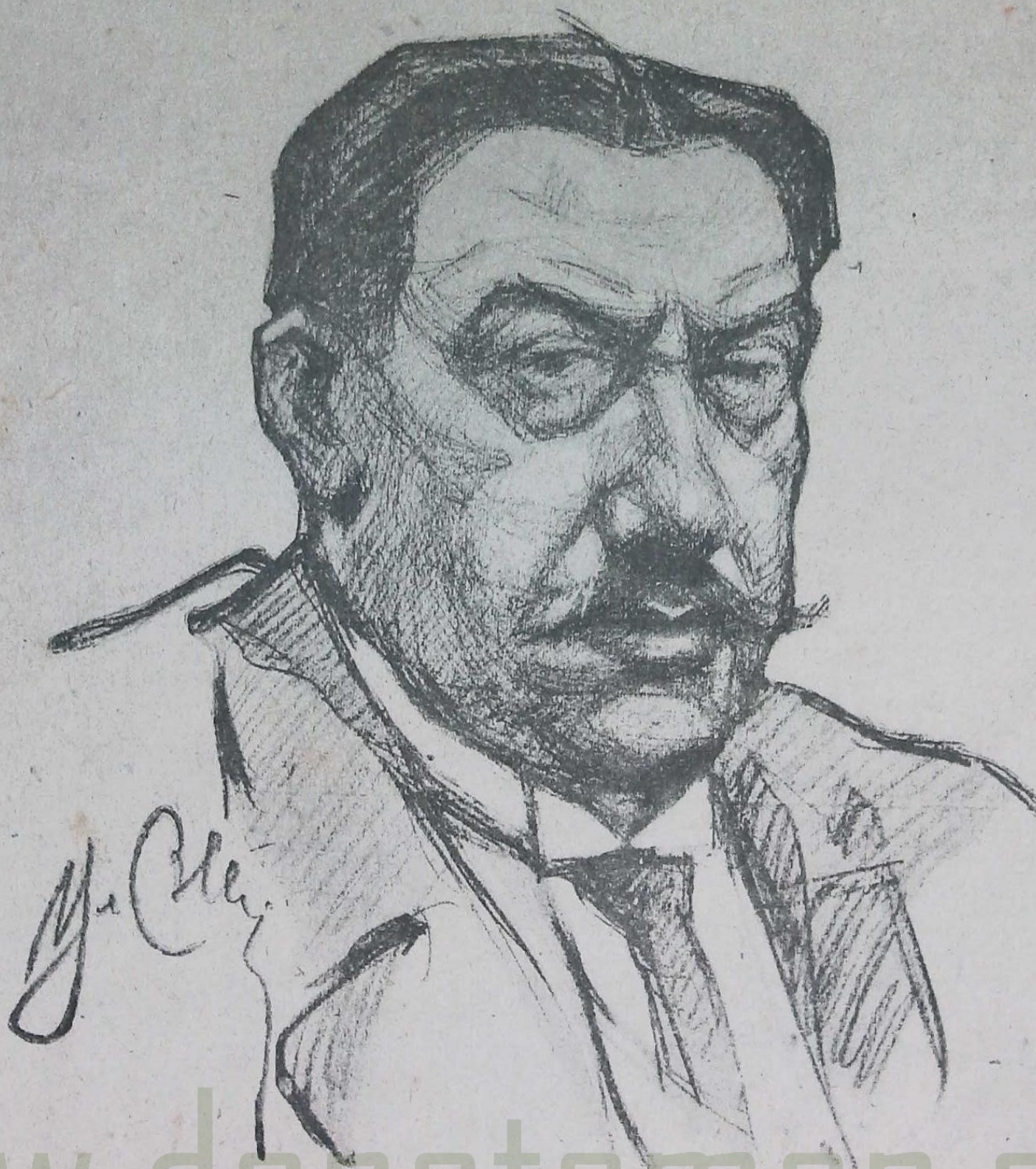

ДОНСКАЯ ВОЛНА

В. Ф. Зеелеръ, председатель съезда членовъ партіи народной свободы въ Екатеринодартъ. Рис. Валентина Попова.

Редакция и главная контора журнала „Донская Волна“ переходят въ новое помѣщеніе—Соборный пер., д. № 17, (противъ почты), 2-й этажъ, телефонъ (временно) 31-69.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Большой театр
МАШОНКИНА
Русская Оперетта
дирекция
А. А. Вивьенъ и Л. П. Леваковскаго.

СУББОТА—съ уч. Котоманъ и Вивьена | **Воскресенье**—съ уч. Л. Соколовой, М. Н. Доагошъ и И. И. Рафальскаго—**МАРТИНЪ РУДОКОПЪ**.
СИДЪВА.
На-дняхъ гастроли **М. И. ВАВИЧА**, Готовятся: Ночь Любви, Принцесса Долларовъ, Мессалинетта, Монна-Ванна.

Театръ-Кабарэ
„ГРОТЕСКЪ“

Въ концѣ октября предстоитъ открытіе театра „Гротескъ“, помѣщающагося въ подвалѣ стараго общества „Россія“ по Б. Проспекту въ № 16. Руководителемъ и конферансье приглашенъ Ал. Алексѣевъ, очередными режиссерами: гг. Бурджаловъ и Лихмарскій. Въ труппу входятъ: Алексѣевъ, Бауэръ, Бойтлеръ, Бурджаловъ, Бутинская, Басова, Банковская, Всеволожскій, Грановскій, Дарская, Ковчъ, Лихмарскій, Оналова, Печковскій, Порываева, Порываевъ, Парамолова, Семинъ, Славинъ, Стояновичъ, Трипольская, Филовъ, Цвѣтковъ, Цыганова, Чарскій, Шагорская и друг. Дирижеромъ приглашенъ Гр. Губаревъ; для специальныхъ композицій музыкальныхъ пьесъ приглашенъ бывш. завѣд. музык. частью московской „Летучей мыши“—Н. Матвѣевъ-Невструевъ, Художникъ-декораторъ Н. Яковлевъ.

ТЕАТРЪ
Кино-Паласъ

Демонстрируется шедевръ Кинематографіи
ОТЕЦЪ СЕРГІЙ (КНЯЗЬ СТЕПАНЪ КАСАТСКІЙ) кино-драма въ 7-ми частяхъ.
Съ участіемъ Мозжухина, Лисенко и др.

ТЕАТРЪ
Возрожденіе

Съ Понедѣльника 22 Октября демонстрируется жуткая драма въ 6 част. по роману Леонида Андреева, съ участ. лучшихъ артистовъ экрана
Не убій. **АНОНСЪ!** (ВНИМАНИЕ!) 29 Октября пойдеть рѣдкій боевикъ **ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ.**

Съ 26-го сего Октября выходитъ изъ печати
ЕЖЕДНЕВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ГАЗЕТА

„ДНЕВНЫЯ ИЗВѢСТІЯ“

Этотъ органъ впервые выходитъ на Сѣверномъ Кавказѣ и издательство поставило себѣ главной задачей дать Коммерческому классу весь интересующій его матеріалъ.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ конторѣ редакціи: Московская 85. Телефонъ № 19—11.

Страховое Общество „Россія“

заключаетъ страхованія жизни, отъ огня, несчаст. случаевъ, стекла, транспорта отъ кражъ со взломомъ и отъ ограблен. кассъ, артельщик. и всяк. рода движ. имущества.

Заявленія принимаются въ Отдѣленіи Общества „Россія“, въ гор. Ростовѣ на Дону, Большой просп., с. д., № 14.

Юго-Восточный Сельско-Хозяйственный

Кооперативный Календарь-Справочникъ на 1919 годъ.

издается Доно-Кубано-Терек. О-мъ Сельск. Хозяйств. и Юго-Восточнымъ Союзомъ Союзомъ Кредит. и Ссудо-Сберегат. Товариществъ. Предварител. подписка и объявленія примим. въ аданіи Д.-К.-Т. О-ва, Таганрогскій пр., 68 и въ Ювоссѣ, уг. Большого пр. и Большой Садовой.

25 октября с. г. ОТКРЫВАЕТСЯ
послѣ ремонта первоклас. ресторанъ—**ПОГРЕБЪ**

„ФОРТУНА“

по Николаевскому переул., №№ 42 и 44. Гдѣ устроена Европейско-Азіатская кухня, подъ наблюдениемъ опытнаго КУХИНАРА. Буфетъ снабженъ всевозможными закусками, при ресторанѣ имѣется 32 кабинета, а также играетъ струнный орнестръ. Все мило, уютно.

Просимъ почтеннѣйшую публику убѣдиться лично пестщеніемъ

Съ почтениемъ. Трудовое Т-во официантовъ

Садъ „Монъ-Репо“ и „Фортуна“.

Первоклассный ресторанъ

„СЛОНЪ“

Таганрогск. пр., противъ театра Асмолова.

Художественно отдѣланные, изолированные кабинеты, первоклассные повара—европейскій и навказскій.

Концертный орнестръ подъ управленіемъ ТИМОНОВА.

Торговля до 3-хъ часовъ ночи. Телефонъ 8-50.

Первоклассный
ресторанъ

Я Р Ъ

Уг. Б.-Садовой
и Никол. пер.
Телеф. 24—20.

ДОНСКАЯ ВОЛНА

подъ редакціей ВИКТОРА СЪВСКАГО.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1 мѣсяцъ	8 руб. — коп.
2 мѣсяца	16 руб. — коп.
Отдѣльный №	2 руб. — коп.

Объявленія: впереди текста—8 р., позади текста—2 р. за строку непарелли.

Рукописи не возвращаются и, по усмотрѣнію редакціи, подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ.

Еженедѣльникъ исторіи,

литературы и сатиры.

Редакція и контора—Соборный пер., д. № 17 (противъ почты). Телефонъ (временный) 31—89

Контора журнала открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 ч. утра до 2 ч. д. и отъ 5—7 ч. вѣч.

Секретаря редакціи принимаетъ ежедневно, отъ 11—2 ч. дня.

Редакторъ принимаетъ по вторникамъ и пятницамъ—отъ 5—7 ч. вѣчера.

№ 20

28 Октября 1918 года.

№ 20.

Напрасно адскимъ дуновеньемъ
Намъ современность разумъ тмитъ:
Мы зримъ дѣши проникновеньемъ
Не только дымъ и динамитъ.

Все, что минуетъ, будетъ сказкой...
Рыдаетъ мать, герой убить:
Былого даль волшебной лаской
Ея тоску заголубить.

И чудо сбудется надъ нами...
Ночь тяжела скорбей и бѣдъ:
Надъ тающими пеленами
Въ дали грядущаго—разсвѣтъ.

Не тщетно страждемъ и страдали.
Святые ждуть насъ чудеса.
На синеву взгляните далей:
Надъ далью всюду небеса!

Сергій Пинусъ.

В. Ф. Зеелеръ.

Помните гончаровскаго Штольца, старавшагося поднять съ дивана Илью Ильича Обломова. Илья Ильичъ лежитъ на диванѣ, ибо у него есть вѣрный Захаръ да въ деревнѣ живутъ еще триста такихъ же Захаровъ.

А Штолецъ дѣлаетъ дѣло.

Гончаровъ выдумалъ Штольца, чтобы теплилась на Руси надежда, что русскій свѣтъ не сошелся клиномъ на однихъ Обломовыхъ да Адуевыхъ. Но не было у него увѣренности, что сильный человѣкъ выйдетъ изъ Обломовки и онъ далъ имя Штольца человѣку дѣла.

Такой Штолецъ—Владиміръ Феофиловичъ Зеелеръ, вчерашній предсѣдатель вчерашняго кадетскаго съѣзда въ Екатеринодарѣ.

Съ ними связана цѣлая эпоха въ большомъ и шумномъ Ростовѣ и когда пришла другая эпоха—не было Зеелера.

Но теперь снова въ спросѣ великая Россія, союзники ставятъ ставку на монументальность Россіи—„единая, великая, недѣлимая,“—у предсѣдательскаго кресла на кадетскомъ съѣздѣ въ Екатеринодарѣ вырастаетъ монументальная фигура Штольца изъ Ростова на Дону—В. Ф. Зеелера.

Владиміръ Феофиловичъ сталъ общественнымъ градоначальникомъ и комиссаромъ временнаго правительства съ первыхъ дней революціи.

Наши Обломовы возлежали на диванахъ, набитыхъ старыми мертвыми лозунгами, увѣряли, что за ихъ спинами Захары, триста Захаровъ—народъ.

А Штолецъ-Зеелеръ дѣлалъ въ это время дѣло.

Старался сохранить въ городѣ порядокъ, старался укрѣпить власть.

Былъ маякомъ порядка въ бушующемъ морѣ человѣческихъ страстей и страстишекъ. Возвышалъ голосъ, трясъ за плечо Илью Ильича Обломова:

— Встряхнитесь, у насъ пролежни будутъ на бокахъ.

Илья Ильичъ зѣвалъ, сочувственно, а порой и чаще—укоризненно смотрѣлъ на Штольца и снова на диванъ.

Пролежни появились.

Ростовъ впервые возсталъ и Зеелера отвезли на „Колхиду“, какъ плѣнника. Тамъ онъ пребывалъ до тѣхъ поръ пока не вошли въ городъ казаки.

И вчера красные матросы сегодня поблѣднѣли и впервые въ анналахъ морской жизни присяжный повѣренный сталъ за капитанскимъ мостикомъ—В. Ф. Зеелера избрали командиромъ «Колхиды», какъ громоотводъ отъ казачества.

— Тебѣ ласково улыбалась Фемида, будь ласковъ съ Посейдономъ.

Зеелеръ спасъ матросовъ.

Пришла въ Ростовъ армія Корнилова и Алексѣева.

Зеелеру многимъ обязаны вожди арміи.

Пришли черные дни большевизма и пошли тревожные слухи о Зеелерѣ.

— Разстрѣлянь, убить.

Но судьба хранила его.

Штольцы еще потребуются Россіи.

Зеелера, говорятъ, звали губернаторомъ. Говорили о министерскомъ портфельѣ.

А до этого на него оглядывались:

— Какова-то ориентация.

Владиміръ Феофиловичъ стоялъ въ сторонѣ.

Илья Ильичъ, потревоженный на диванѣ, шатался изъ стороны въ сторону:

— Правая, лѣвая гдѣ сторона.

Владиміръ Феофиловичъ наблюдалъ за Ильей Ильичемъ и, когда онъ останоуился, вышелъ изъ тѣни временнаго уединенія и увѣренно занялъ предсѣдательское кресло на съѣздѣ.

Какъ-то на кругъ—последнемъ Калединскимъ кругѣ дѣлалъ докладъ о ростовскихъ событіяхъ В. Ф. Зеелеръ.

Голосъ—Иерихонская труба. Фигура—чуть пониже Ермака на Соборномъ площади въ Новочеркасскѣ.

Старикъ-казакъ въ кулуарахъ переполненъ восторгомъ.

— Такому-то да эполеты бы. Раскидалъ бы всѣхъ.

А другой, видимо бывавшій въ Ростовѣ, поддакивалъ:

— Ростовъ—Вавилонъ. Туды такой къ мѣсту.

Сейчасъ и Россія—Вавилонъ. Зеелеръ—«туды къ мѣсту».

Отчетливый, съ твердой волей, яснымъ взглядомъ.

И притомъ высокой.

— Далекъ увидить.

Викторъ Съвскій.

Генералъ В. Т. Болдыревъ.

Съ далекаго Урала къ намъ докатились отрадные вѣсти, что весь необъятный русский Сѣверъ и Востокъ, изгнавъ большевиковъ, объединились подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ одну могучую государственную организацию.

Добровольческая армія теперь не можетъ чувствовать себя одинокой. Медленно, но неуклонно русскій исполинъ пробуждается отъ тяжелаго опьяненія: все громче и чаще въ странѣ раздаются вновь святыя слова:

— Свободная, единая, великая независимая Россія.

Вождемъ возрождающейся Сибири является лишь одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей—генералъ Василій Георгиевичъ Болдыревъ, назначенный уфимскимъ совѣщаніемъ, главнокомандующимъ всеми сухопутными, морскими и воздушными силами заволжской директоріи.

Имя ген. Болдырева впервые прогремѣло по всей Россіи 19 дней спустя послѣ октябрьскаго переворота, когда большевистскій «главоверхъ» Крыленко прѣхалъ въ Двинскъ и потребовалъ отъ генерала, тогда командовавшаго 5-ой арміей, лично явиться къ нему для «представленія начальству».

Генералъ Болдыревъ выслушалъ посланца Крыленко молча до конца. А когда тотъ спросилъ, что прикажете сказать верховному главнокомандующему, генералъ вспыхнулъ и сказалъ:

— Передайте прапорщику Крыленко, что намъ съ нимъ говорить незачѣмъ. Я его верховнымъ командующимъ не признаю, а съ узурпаторами народной власти видѣться не желаю.

Крыленко былъ взбѣшенъ и на другой день послалъ за Болдыревымъ отрядъ матросовъ.

Проникнувъ въ квартиру командующаго арміей, они объявили его арестованнымъ.

— У меня достаточно солдатъ, чтобы прогнать васъ отсюда,—сказалъ генералъ,—но я не хочу кровопролитія. Подчинитесь насилію. Оружія вамъ не даю, но признаю себя арестованнымъ.

Крыленко отправилъ Болдырева въ Петроградъ и преддалъ суду революціоннаго трибунала.

13-го декабря при огромномъ стеченіи публики состоялся этотъ пресловутый революціонный судъ.

Генерала-подсудимаго ввели и вывели изъ зала суда подъ громовые аплодисменты публики.

На вопросъ предсѣдателя: «что вы можете сказать въ свое оправданіе?»—ген. Болдыревъ отвѣтилъ:

— Только то, что на скамьѣ подсудимыхъ долженъ сидѣть не я, а вы!

— Я прошу васъ дать объясненія,—перебилъ предсѣдатель,—почему вы не явились по требованію Крыленко, назначеннаго совѣтомъ народныхъ комиссаровъ верховнымъ главнокомандующимъ?

Генералъ, не задумываясь, твердо отчеканилъ:

— Я считаю обязательнымъ для себя лишь волю всего русскаго народа, выраженную учредительнымъ собраніемъ. Крыленко законной властью ни одинъ честный русскій гражданинъ не призналъ, не могъ признать и я. Армія къ тому же должна быть вѣрнѣ политики, которая ее разлагаетъ, а тѣмъ больше армія, прикрывавшая подступы къ столицѣ.

Присяжный защитникъ Болдырева Карякинъ въ яркой рѣчи указалъ суду, какія причины побудили командующаго не исполнить приказа Крыленко.

— Вы имѣете великую, я бы сказалъ, скорбную честь,—воскликнулъ онъ въ концѣ защиты,—судить не просто генерала, а судить генераль-крестьянина, поднявшагося до высокаго моста. Онъ всегда, какъ простой рядовой, въ походахъ шелъ впереди своихъ солдатъ. И если вы его осудите, вашъ судъ превзойдетъ застѣнки Николая второго.

Послѣ часового совѣщанія трибуналъ вынесъ свой революціонный приговоръ:

— «Генералъ Болдыревъ признанъ виновнымъ въ неподчиненіи распоряженію главоверха Крыленко и приговаривается къ 3-мъ годамъ тюремнаго заключенія».

Подсудимый выслушалъ суровый приговоръ спокойно, съ гордо поднятымъ челомъ. Но весь судебный залъ затрясся отъ возгласовъ возмущенія.

— Это застѣнокъ: позоръ!!—раздались крики.

— Хуже полевого суда!

— Долой узурпаторовъ! Бѣдная Россія!!..

— Да здравствуетъ генералъ Болдыревъ!!..

Одвѣченныя гнѣвомъ толпа бросается на судей и на стражу. Предсѣдатель зоветъ красноармейцевъ,—солдаты въ толпѣ достаютъ револьверы и бомбы...

Еще мгновение и полетѣтъ человѣческая кровь, но, вдругъ, надъ неистовствующей толпой пронесся властный возгласъ генерала Болдырева:

— Граждане! призываю васъ къ порядку и терпѣнью. Оставьте этихъ жалкихъ людей: я ни минуты не сомнѣваюсь, что скоро я буду свободенъ, какъ и весь русскій народъ!!..

Громовое, «ура» и дружныя оваціи явились отвѣтомъ генералу.

В. Г. Болдыревъ въ прошломъ—это страницы изъ біографіи Ломоносова.

Онъ сынъ бѣднаго сызранскаго ремесленника-крестьянина. На мѣдные гроши отецъ отдаетъ Васю въ городскую начальную школу.

— Учись, Вася, въ школѣ грамотѣ, выучишься, отдамъ тебя въ лавку, пойдешь по торговой части, Богъ дастъ большимъ купцомъ сдѣлаешься.

Вася охотно постигаетъ грамоту, но совсѣмъ не помышляетъ о «торговой части».

14-ти лѣтъ онъ кончаетъ начальную школу и проситъ отца отдать его въ Пензу въ гимназію.

На этой почвѣ между отцомъ и мальшомъ-сыномъ назрѣваетъ серьезный конфликтъ, который заканчивается бѣгствомъ мальчика изъ родительскаго дома.

До Пензы будущій спаситель Сибири добрался пѣшкомъ, разыскалъ тамъ какихъ-то своихъ родственниковъ и послѣ долгихъ мытарствъ, наконецъ, устроился стипендіатомъ въ мѣстное реальное училище.

Отсутствіе средствъ заставляеть юношу оставить мечты объ университетѣ и онъ поступаетъ послѣ окончанія реальнаго въ юнкерское училище.

Три года спустя юный Болдыревъ прѣзжаетъ къ отцу въ Сызрань уже въ пбвенской формѣ подпоручика одного изъ сибирскихъ полковъ.

Тяжелая армейская среда не забла энергичнаго, трудолюбиваго подпоручика, мечтавшаго о блестящей карьерѣ и вотъ въ 1904 году онъ ѣдетъ на японскую войну уже со значкомъ военной академіи.

На войнѣ онъ зарекомендовалъ себя блестящимъ, храбрымъ и распорядительнымъ офицеромъ генеральнаго штаба, участвовалъ во взятіи знаменитой путиловской сопки, былъ два раза раненъ и нѣсколько разъ контуженъ.

Въ 1911 году Болдыревъ удачно защищаетъ въ академіи диссертацию. «Атака укрѣпленныхъ позицій», что сразу выдвигаетъ его въ первые ряды знатоковъ военнаго дѣла и даетъ ему широкую извѣстность въ европейскихъ военныхъ кругахъ.

До начала міровой войны Болдыревъ успѣшно читаетъ лекціи въ академіи, лекціи, всегда строгія, глубокія и интересные.

Но, едва пришла война, Болдыревъ съ первыми отрядами мчится на фронтъ, чтобы тамъ на полѣ сраженія примѣнить свои знанія и опытъ.

Сначала въ качествѣ начальника штаба 2-ой пѣхотной гвардейской дивизіи, затѣмъ командира 30-го полтавскаго пѣхотнаго полка онъ сколесилъ Польшу и Галицію, участвовалъ въ самыхъ кровопролитныхъ сраженіяхъ и былъ удостоенъ высшихъ боевыхъ наградъ въ томъ числѣ георгиевскаго оружія и георгиевскаго креста и, наконецъ, былъ произведенъ въ генераль-майоры.

Въ 16-мъ году онъ занялъ сперва постъ генераль-квартирмейстера сѣвернаго фронта, а затѣмъ получилъ 43-й армейскій корпусъ.

Ген. В. Г. Болдыревъ, «сибирскій диктаторъ»—главнокомандующій фронтомъ Учредительнаго Собранія, членъ Уфимской директоріи.

Во время рижского позора единственный корпус, который не побоялся под натиском врага, а стойко отражал его атаки, прикрывая бегство 12-ой армии, был корпус генерала Болдырева.

Октябрьский переворот застал генерала на посту командующего 5-ой армией.

25-го октября почто в разговор по прямому проводу со ставкой ген. Болдырев заявил, что его армия возмущена выступлением большевиков и что он готов пойти с войсками на Петроград.

Генераль Духонин спросил:

— На какие части вы рассчитываете, генераль?

— На любую, которой я прикажу,— ответил Болдырев.

Нерешительный и слишком мягкий Н. Н. Духонин, так и не использовав могучего влияния Болдырева, предательское поведение генерала Черемисова, отказавшего в пропуске войск с фронта на поддержку Керенскому, повергло несчастного верховного главнокомандующего в уныние и окончательно убило в нем вбру в возможность сопротивления.

Когда выяснилось, что большевики твердо завладели политическими центрами и ставка доживала последние дни, ген. Духонин вызвал Болдырева к аппарату и сказал:

— К вам в Двинск идут банды Крыленко. Если хотите, я вас освобожу от командования армией и вы можете уехать. Вам безусловно грозит серьезная опасность.

— Если вы прикажете я буду защищаться,— заявил Болдырев. У меня есть вѣрные части, готовые дать надлежащий отпор наглым захватчикам власти.

— Идти, идти!— испугался генераль Духонин.

— Не допускайте кровопролития. Пусть командный состав не упрекают, в разжигании гражданской войны.

И на лентѣ Юза тогда появился лаконический ответ ген. Болдырева.

— Слушаюсь! Буду спокойно ждать смерти. Прощайте!.

Он не был разстрѣлян Крыленко, но кровавая трагедия, разыгравшаяся через 7 дней в ставке, показала, что генераль Болдырев шел на вѣрную смерть, когда отвѣчал большевистскому главноверху:

— Передайте прапорщику Крыленко, что с узурпаторами народной власти я видѣться не желаю.

После суда Болдырев был отправлен отбывать «3-х-годовичное» тюремное заключение сначала в Петропавловку, а затѣм в «Кресты».

Молодой, энергичный, полный силъ и здоровья генераль спокойно взирал на тюремныя лишения.

— Когда побываешь три года в сырыхъ, мерзлыхъ окопахъ,— улыбаясь говорил генераль своимъ сосѣдямъ по несчастью, казематы тюрьмы являются для меня словно первокласснымъ отелемъ со многими удобствами,— только и всего. А чувство горечи и обиды? Что-жъ?! Выпьемъ чашу до конца!

Даже в тюрьме генераль-профессоръ не бросаетъ своихъ занятий. Онъ выпросилъ необходимыя книги и бумагу и цѣлыми днями корчилъ надъ ними. Досадной помѣхой при этомъ являлся только холодъ, отъ котораго, черезъ полчаса работы, вываливалось перо изъ рукъ.

Холодъ достигалъ в «Крестахъ» до 3—4 градусовъ. Крохотныя комнатки не позволяли разогрѣваться маѳиономъ и чтобы согрѣть немного оконечившие члены, генераль прибѣгалъ къ помощи мюллеровской гимнастики.

Продѣлавъ нѣсколько упражненій, онъ вновь садился за трудъ.

Ежедневно, не считаясь съ метелью, морозомъ или мокро-одницей, генераль выходилъ на прогулку и быстро шагалъ по круглому тюремному дворику, либо брался съ прочими заключенными за лопаты и расчищалъ снѣгъ.

— Знаете, когда я гляжу на эти небѣжитные сугробы,— сказалъ онъ однажды одному изъ своихъ товарищей по заключенію,— мнѣ представляется, что вся страна погребена сейчасъ подъ такимъ снѣжнымъ саваномъ. Занесены окопы и батареи и на фронтѣ, занесены желѣзныя дороги, села и города—вѣ тылу... Омертвѣло все... Но проглянетъ весеннее солнце и забурлятъ потоки красивой, радостной, обновленной жизни. И воскреснетъ бѣдная Россія!.

Одному изъ солдатъ 30-го Полтавскаго полка Карпачевскому удалось съ большимъ трудомъ пробраться в тюрьму къ своему генералу.

— Видишь, полтавецъ, куда я попалъ за все, что дѣлалъ для родины,— сказалъ ему Болдыревъ и грустно улыбнулся.

Солдатъ раслакался и отвѣтилъ:

— Не печальтесь, ваше п-ство, мы васъ выручимъ. Правда не пропадетъ. Вся наша 5-я армия поклялась, что добьется вашей свободы. Меня послали сказать вамъ, что мы не забыли ваше добро и ласку къ нашему брату.

И полтавцы не обманули своего бывшего отца-командира. Вѣ концѣ февраля, когда немцы начали наступать на Петроградъ и «совнаркомъ» бѣжалъ в Москву, они вѣ общей сумятицѣ явились свободно в тюрьму и освободили заключеннаго Болдырева.

Вырвавшись изъ холодныхъ объятий «Крестовъ», генераль Болдыревъ остался в большевистскихъ столицахъ и принимается за организацию распыленныхъ національно-демократическихъ силъ.

Живетъ и работаетъ в Москвѣ на «савинковскомъ» положеніи, каждый день рискуя при усиливавшемся красномъ террорѣ головой и свободой.

«Чрезвычайки» окутали все подпольныя организации стѣтло шпионовъ и провокаторовъ. Болдыревъ запримѣченъ, за нимъ устроена специальная слѣжка, но онъ ни на минуту не оставляетъ своей дѣятельности.

Средства къ жизни онъ добываетъ себѣ перомъ, работая в большихъ московскихъ газетахъ.

Во всехъ антисовѣтскихъ партійныхъ организацияхъ и группахъ Болдыревъ, какъ безпартійный, всюду считается своимъ. Къ его совѣтамъ усиленно прислушиваются, его проповѣдь всеобщаго единенія во имя спасенія родины встрѣчаютъ съ большимъ сочувствіемъ.

После ряда усилій ему удалось, наконецъ, добиться созданія извѣстнаго уже междупартійнаго «союза возрожденія Россіи», принявшаго вполне опредѣленную ориентацию.

Блокъ «Возрожденія» мало-по-малу вырастаетъ в громадную силу. Съ нимъ считаются большевики, имъ встревожены друзья послѣднихъ, съ нимъ ищутъ сближенія союзники.

Англичане обѣщаютъ блоку большую денежную и военную помощь для организации борьбы за возрожденіе Россіи и лишь требуютъ, чтобы имъ указали лицъ, съ которыми они могли бы вести окончательные переговоры.

Союзъ «Возрожденія» выдвинулъ своимъ представителемъ В. Г. Болдырева.

Державы согласія персонально вполне одобрили выборъ союза и тотчасъ вошли в непосредственныя сношенія съ генераломъ.

— Если вы хотите сдѣлать изъ насъ македонскихъ четниковъ,— заявилъ Болдыревъ представителямъ англо-французовъ,— то намъ съ вами не по пути. Но если вы действительно поможете Россіи выйти изъ тяжелаго положенія и стать вновь единой и великой—наша родина никогда не забудетъ этой помощи.

Тогда союзники дали вполне опредѣленныя гарантіи искренности своихъ побужденій и генераль принялъ командованіе сибирскими войсками.

10-го сентября на государственномъ совѣщаніи в Уфѣ В. Г. Болдыревъ былъ включенъ в составъ правительства директоріи и ему были подчинены все соединенныя войска завожской Россіи.

Въ своемъ первомъ приказѣ генераль Болдыревъ говоритъ, что онъ назначенъ съ вѣдома и одобренія союзниковъ, верховнымъ главнокомандующимъ всеми вооруженными силами, дѣйствующими на территоріи Россіи противъ большевистскихъ узурпаторовъ.

Конечная цѣль стремленій ген. Болдырева, говорится в приказѣ, сверженіе при помощи американцевъ, англичанъ, французовъ и японцевъ большевиковъ и восстановленіе Учредительнаго Собранія, которое одно полномочно рѣшать дальнейшую судьбу Россіи.

— Наши силы, заканчивается приказъ, в настоящее время превышаютъ полмилліона штыковъ, не считая войскъ англійскихъ, японскихъ, французскихъ и американскихъ, высадившихся в Сибири. Восточный фронтъ такимъ образомъ восстановленъ почти полностью и не далеко тотъ часъ, когда наши войска сломятъ упорство большевиковъ и завершатъ тяжелый, но славный путь спасенія Россіи.

Въ бесѣдѣ съ уфимскими журналистами генераль Болдыревъ между прочимъ очень тепло отзывался о добровольческой арміи и о ея вождяхъ генералахъ Алексѣевѣ и Деникинѣ. О безвременной кончинѣ перваго в Уфѣ еще очевидно не знали.

Бесѣда эта заканчивается слѣдующими отрадными словами.

Съ глубокимъ волнениемъ я жду того момента, когда Северъ и Югъ въ своемъ побѣдоносномъ шествіи протянутъ другъ другу руки въ братскихъ объятияхъ подъ радостный звонъ московскихъ колоколовъ. У насъ съ генералами Алексеевымъ и Деникинымъ, злыми вѣрными рыцарями извѣстной Россіи, одна общія идея: изгнание изъ страны бронштейновскихъ бандъ, восстановление могучей русской арміи, которая концами своихъ штыковъ подниметъ втоптанныя въ грязь наше національное знамя.

Я вѣрю, что съ грядущей весной мы увидимъ бѣдную, поруганную Россію вновь свободной, единой, великой и независимой.

Эта безграничная любовь къ Россіи и страстное желаніе ей воскресенія сквозитъ въ каждомъ движеніи души сибирскаго полководца.

— «Мое путешествіе,—писалъ недавно изъ Самары ген. Болдыревъ одному своему близкому лицу,—и личное наблюденіе только лишь разъ убѣждаютъ меня, какой чудный безпредѣльно богатый край наша Россія. Какъ безгранично велики наши задачи, какъ необходима намъ здоровая культура и настоящий правопорядокъ! Я былъ бы безгранично счастливъ, если бы и моя лентка сказала въ этомъ великомъ дѣлѣ возрожденія...

Каждый день, во все время пути по безграничнымъ волжскимъ ширямъ, я переживаю невыносимую муку и боль за поруганіе, униженіе Россіи. Останется ли что нибудь отъ великой страны?! Прощага пока мало. Но хочется, безумно хочется вѣрить, что Россія только больна, но не безнадежно. Помогите, Господи, ей въ ея испытаніяхъ. Съ какой готовностью я отдаю бы ей и свою жизнь, и свои опыты и силы».

М. Лембичъ.

Дни погибели.

(Годъ назадъ).

1.

На Петербургъ медленно и лѣниво спускался сѣрый вечеръ, съ дробнымъ стукомъ надоедливаго октябрьскаго дождя, съ завываніемъ и плачемъ рѣзкаго, летящаго отъ моря вѣтра.

Почему то бездѣйствовало электричество, и мы, въ редакціи „Вольности“, гдѣ изъ-за нѣкоторыхъ редакціонныхъ неурядицъ было назначено общее собраніе сотрудниковъ,—сидѣли при тусклыхъ свѣчахъ.

Было холодно и неуютно.

И отъ этого холода, темноты и неуютности—люди сердились. Мелкія недоразумѣнія внезапно выростали въ нечуждыми конфликты. Сыпались обидныя слова...

Какъ вдругъ... Въ редакцію влетѣлъ оживленный, полный новостями, репортеръ, и звонкимъ, настороженнымъ голосомъ выкрикнулъ извѣстіе, передъ которымъ сразу померкли и показались маленькими наши внутреннія редакціонныя бурьки.

— Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ рѣшилъ взять на себя верховную власть!

Нуткимъ холодкомъ захолонуло сердце...

Вотъ оно! Пришла та бѣда, опасное предчувствіе коей томилъ Петербургъ съ печальнаго времени коридловской неудачи. Черный звѣрь раскрылъ пасть свою надъ обреченной Русью...

Не кончивъ своихъ дѣлъ, горячо обсуждая новость, стали мы расходиться.

Однако, на другой день оказалось, что занавѣсъ возвѣщеннаго репортеромъ, свѣтопредставленія еще не поднятъ. Совдеповскій оркестръ лишь взялъ первыя ноты увертюры, вынеся постановленіе объ образованіи военнореволюціоннаго штаба.

Но и передъ опущеннымъ занавѣсомъ было томительно и жутко...

Не зря Лео Троцкий эффектно размахивалъ дрижерской палочкой. Первое представленіе оперетты „Страшный Судъ“ началось...

По внѣшности—все было какъ будто по старому.

Оптимистическіе страусы прятали голову подъ крыло и увѣряли:

— Выступленія не будетъ!

Въ Зимнемъ дворцѣ—тѣнь, фантомъ власти продолжалъ притворяться руководителемъ страной... На Маринской площади—по мѣрѣ силъ помогали обману... Безъ конца, безъ края лились звонко-пустыя, ненужныя рѣчи, которыхъ никто не слушалъ, не хотѣлъ слушать...

Въ штабѣ—мямлить растерянный полковникъ Полковниковъ, бѣдный главнокомандующій безъ единого солдата...

Запутавшійся ген. Верховскій предлагалъ героическую мѣру сепаратнаго мира... Какъ будто уже не было поздно! Какъ будто обманутыя большевистскою прелестью массы не вѣрили бы „буржуямъ“.

Премьеръ, выдохшійся торреадоръ революціи, въ послѣдній разъ захотѣлъ ухватить быка за рога—и въ предпарламентѣ истерически завопилъ о „состояніи вооруженнаго возстанія, въ которомъ находится столица“... Предпарламентъ, по своему обыкновению, растекаясь мыслью по древу,—и даже въ страшный часъ кончины сумѣлъ лишь пролепетать сотый вариантъ на тему „поскольку—постольку“.

А въ это время—опьяненная преулами,—что скоро вы все пойдете домой и будете господами,—солдатская масса на митингахъ рѣшила всемѣрно поддерживать совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

А въ это время—на Выборгской сторонѣ, за Нарвской заставой, въ Гавани лихорадочно вооружались темные легионы бунта, предтечи красной арміи...

II.

Грозный мигъ прошелъ.

Капельмейстеръ указалъ вступленіе финальнымъ литаврамъ.

Они грянули—и 24 октября, проснувшись, Петербургъ узналъ, что переворотъ, въ сущности, уже совершенъ.

Министерства, банкъ, адмиралтейство, вокзалы, телефонная и электрическая станціи—весь сложный аппаратъ государственнаго и общественнаго быта,—безъ боя, безъ крови достался побѣдоносному бунту.

Премьеръ въ бѣгахъ. Остальные министры забаррикадировались во дворцѣ и съ минуты на минуту ждутъ конца.

Но самое страшное было то, что дряблая душа невской столицы, какъ будто не осознавала, не постигала страшной глубины, куда ее ввергъ переворотъ.

На грязныхъ, липкихъ тротуарахъ Невскаго—заметалось кинѣние обычной городской жизни:

Круглые спекулянты въ котелкахъ такъ же, какъ вчера стремились къ марморнымъ столикамъ кафе... Изящныя дамы съ подведенными, томными глазами, также увѣренно выступали по мокрому асфальту, сверкая лакомъ своихъ высокихъ сапожковъ. Множество товарищей попрежнему торговало на углахъ папиросами и всякой дрянью. Попрежнему, у булочныхъ, табачныхъ и обувныхъ магазиновъ колышались черныя очереди... Проносились трамы съ „висельниками“ на ступенькахъ и буферахъ. Завывали мѣдныя сирены автомобилей.

И только у полицейскаго моста—обрывалась эта обычная жизнь.

Здѣсь Невскій преграждала невысокая, колючая наваленная баррикада

Годъ назадъ.

Ленинъ идетъ трамвая.
(Зарисовка съ натуры петроградскаго художника Синаева лѣтомъ прошлаго года для журнала „Трудомысль“.)

изъ досокъ и разобранной мостовой. За нею—простира-
лась область власти Временнаго Правительства: четыре
квартала.

Днемъ осаждающе не предпринимали никакихъ дѣй-
ствій.

Вождемъ Смольнаго, правда, очень хотѣлось блестяще
повтореніемъ 10 августа 1792 года.

Но война ихъ—отнюдь не выражали желанія биться.
Съ одной стороны—разслабляла увѣренность въ легкой по-
бѣдѣ: стоять ли возиться со штурмомъ, разъ врагъ уже
побѣжденъ?

Съ другой—удерживалъ и нѣкоторый страхъ. Хотя и
немного у Правительства силы,—да все-таки есть тамъ, на
Дворцовой площади и казаки, и юнкера. Неровень часъ—
получишь пулю въ лобъ!

Вообще, побѣдители были растеряны и разстроены не
менѣе побѣжденныхъ. Сами не знали, что дѣлать...

Какъ то конфузливо разогнали предпарламентъ, не
арестовавъ, несмотря на приказы Смольнаго, ни единую
изъ намѣченныхъ жертвъ...

Неграмотный матросъ важно поглядѣлъ на билетъ одного
изъ членовъ высокой палаты и сказалъ: проходите, това-
рищъ! Вы съ мандатомъ...

А товарищъ былъ... Б. В. Савинковъ.

Доведенный собственной революціонной дерзостью почти
до экстаза, молоденькій, командовавший отрядомъ разгони-
телей, прапорщикъ, встрѣтивъ спокойнаго, холоднаго ген.
В. М. Алексѣева, смущенно пролепеталъ:

— Ваше Высокопревосходительство! Вы, какъ народный
представитель... Я не долженъ васъ задерживать... Изви-
ните...

Казалось, въ равнодушной столицѣ, съ ея мирно гуля-
ющими по Невскому толпами—испарялся, улечивался
весь нафосъ, весь темный взметъ души возстанія...

И кто знаетъ? Найдись тогда у кучки вооруженныхъ
людей, засѣвшихъ въ Зимнемъ дворцѣ, мужественный пред-
водитель; быть можетъ, побѣда досталась бы не бунту?

Но, увя!—въ Зимнемъ дворцѣ были рѣшительно только
тѣ, кто, по нитатскому своему положенію, не могъ съѣсть на
бѣлаго коня—П. М. Кишкинъ, П. І. Пальчинскій, П. М.
Ругенбергъ... Тѣ же, кто могъ и кто долженъ былъ коман-
довать—Полковниковъ, Баградуни—растерялись, ослабли...

Отчаяніе и недоумѣніе одолевали сердца послѣднихъ
защитниковъ порядка... Ушла часть ничего непонимающихъ
юнкеровъ. Совѣтъ Союза Казачьихъ Войскъ, увидя полную
безсмыслицу дальнѣйшей борьбы, велѣлъ тремъ казачьимъ
сотнямъ покинуть Дворцовую площадь...

Осаждающе прободрились.

Вмѣстѣ съ медленно наползающей черной, мокрой и
скользкой ночью, смѣлялъ бунтъ.

И вотъ октябрьскую тьму прорѣзала огненная вспышка
выстрѣловъ... Забухали пушки „Авроры“...

Отчаянно отбиваются послѣдніе защитники или вѣрнѣе
защитницы Временнаго Правительства... бѣдныя, стрижен-
ныя, похожія на мальчиковъ, въ своей солдатской формѣ,—
дѣвушки женскаго добровольческаго легіона.

Но, къ чему ихъ героическая, тщетная кровь?

Вотъ уже врываются темныя толпы въ священную
обитель власти. Въ пьяной, буйной веселости побѣдившихъ
дикарей оглашаютъ они расписные своды выстрѣлами, сей-
часъ уже безцѣльными. Крушатъ мраморъ и бьютъ зеркала,
грубыми сапожищами топчутъ тонкую мозаику паркетовъ.

Раззудись плечо! размахнись, рука! Прячься, несчаст-
ная, окровавленная Русь! Кронштадтъ гуляетъ! Выборгская
Сторона веселится!

III.

Утро перваго дня новой власти встало свѣжее и чи-
стое, съ большимъ, красно-желтымъ, круглымъ солнцемъ,
какое бываетъ только въ Петербургѣ.

Съ любопытствомъ посторонняго зрителя тянулись
толпы на мѣсто ночного боя. Глазѣли на избѣденный пу-
лями, словно заболѣвший осною красный фасадъ дворца.
Любопытными руками ощущивали засѣвшую въ рѣшеткѣ
Александрійскаго столпа—пулю... Вдыхали и хныкали
надъ рухнувшей на городъ бѣдой. Тѣшили себя надеждой:

— У насъ то, съ нашимъ разложившимся гарнизо-
номъ—легко! А вотъ посмотримъ, что скажетъ страна!
Москва! Провинція! Казаки!

Чуялась въ этихъ разговорахъ, праздныхъ и ненуж-
ныхъ, великая тоска умирающаго города на Невѣ. Каза-
лось, что въ нихъ раскрывается свой страшный, липкій

Военн. ростов, реальнаго учи-
лища коллегіи преподавателей
М. Гузиновскій, доброволецъ 1-го
офицерскаго полка, пропалъ
(безъ вѣсти).

Военн. ростов, коммерц.
училища П. Кирилловъ,
доброволецъ коринѣв-
скаго полка, убитъ подъ
х. Богомоловскій 28
июня с. г. въ Ставрополь-
ской губ.

глуби опустошенная душа Петербурга. И нахло отъ нея
тѣлющей слякотью, подобной той, которую на Невскомъ
попираютъ высокіе сапожки темныхъ петербургскихъ дамъ...

Темный ужасъ вставалъ надъ закованными, цолей
Мѣднаго Всадника, въ гранитъ болотомъ...

Сердцу было лено—никакая жертва, никакой подвигъ
любви и вѣрности не спасетъ обреченнаго города, не иску-
пить страшной холодной октябрьской ночи, когда онъ самъ
себя предаль во власть демоновъ анархіи и разрушенія...
И невольно при видѣ этихъ равнодушно-негодующихъ
толпъ, съ празднымъ безсиліемъ глядящихъ на поруган-
ныя святыни Россіи, невольно повторяла душа:

„Вамъ преступившимъ—нѣтъ возврата!
Васъ поразила Господень гнѣвъ!“

Владиміръ Кадашевъ.

Усть-Медвѣдицкая Совденія.

Въ ст. Усть-Медвѣдицкой „работалъ“ военно-революціон-
ный комитетъ... „Работалъ“, видимо, шутилъ и играясь, а, можетъ, и
издѣваясь. Когда набиралось много просителей въ пріемную,
предѣлатель комитета, Рожковъ, заставлялъ говорить сразу
человѣкъ по пяти, чтобы скорѣй дѣло шло, а потомъ бралъ
перо и приказывалъ писарю показывать, гдѣ расписываться. Не
глядя на бумажки, отвернувшись въ сторону, онъ лихо зака-
тывалъ: Рожковъ, Рожковъ, Рожковъ!

Кромѣ Рожкова, бросалась въ глаза импозантная фигура,
а la Родзянко, министра путей сообщенія Колесникова Алексѣя
Данилыча, или, какъ звали его казаки, Долбылыча. По путямъ
сообщенія его пустили потому, что онъ много лѣтъ извозничалъ.

Въ закрытыхъ засѣданіяхъ онъ все предлагалъ, говорить,
устроить „Варооломентевскую“ ночь, но товарищи трусили.
Хорошо жилось военно-революціонному комитету! Винный складъ
началъ быстро пустѣть.

Одного изъ членовъ комитета пришлось—для видимости
правосудія—посадить на ночь въ тюрьму на случай вытрезв-
ленія, послѣ чего оный членъ въ отместку товарищамъ комис-
сарамъ напился пуще прежняго.

Все бы шло отлично, но Рожковскіе гавры не давали
спать другому герою—войсковому старшинѣ Миронову. Можно
ли ему было не вмѣшаться въ дѣло, когда онъ мечталъ, гово-
рять, о булавахъ войскового атамана, когда говорилъ, что пока
онъ и царицынскій главковерхъ—Антономовъ у власти,—каде-
тамъ смерть, когда заявлялъ, что онъ—второй Стенька Разинъ!..
Пока судъ да дѣло, надо было пройти хоть въ предѣлатели
создепа, а для этого необходимо было или псхерить военно-ре-
волюціонный комитетъ, или его возглавить и по другому озаг-
лавить, примѣрно: „Окружной Усть-Медвѣдицкій Совѣтъ р.
к. и к. деп.“

Что-то символическое было в набатном звонѣ, которымъ Мироновъ и Рожковъ (составившіе дуумвиратъ) сзывали гражданъ на митингъ. Казалось, колесомъ предупреждали:

— Опасно, опасно, опасно! Не будетъ толку, не будетъ толку, не будетъ!..

Но искушенные вожди, оба выгнанные изъ полковъ за предерзостное поведеніе, не смущались. Вѣя себя нещадно въ перси и призывая всяческія напасти на главы Каледина и кадетовъ, они рекомендовали серьезно отнестись къ выборамъ „настоящей народной власти“ а при указаніи кандидатовъ пѣтухъ хвалили кукушку за то, что кукушка хвалила пѣтуха. Только вѣтеръ спорилъ съ ораторами и трепалъ бороды большевистски-лукавыхъ гражданъ, народъ же въ цѣломъ безмолвствовалъ, а молча о каждомъ ораторѣ думалъ про себя: „Когда же чортъ возьметъ тебя?“... Рискнулъ было возразить одинъ горячій студентикъ, но Мироновъ, этотъ владѣющій тысячами пролетарій, быстро разъяснилъ его, какъ буржуя, и лишилъ слова. Послѣ, какъ увидимъ, Рожковъ сводилъ его еще на „Чортовъ мысъ“ за смертью...

Вскорѣ какимъ-то очень маленькимъ „народнымъ собраніемъ“ были избраны кандидаты и отправлены въ сл. Михайловку, гдѣ долженъ былъ сконструироваться Окружной Совѣтъ по авторитетнымъ указаніямъ царицынскаго совдепа.

Къ концу февраля изъ Михайловки въ Усть-Медвѣдицу доставили на автомобиль и совѣтъ, и исполкомъ, и цѣлую низкую комиссію:—продовольственную, просвѣтительную, бракоразводную, финансовую и юридическую, сирѣчь, трибуналъ. Комиссары оказались... Ва! Знакомые все лица. Прибавился только начальникъ военныхъ силъ—Мироновъ. Работа закипѣла и отъ кипѣнія гражданамъ жарковато стало. Газету пришибли, окружный судъ упразднили, школьное управленіе разстроили, продовольственную управу взяли подъ подозрѣніе, казначейство—учли.

Рожковъ началъ разводить мужей отъ женъ и первый экспериментъ продѣлалъ надъ самимъ собой.

Началось толкованіе и проведеніе въ жизнь декретовъ. Ходили съ обысками и арестовывали буржуевъ. Былъ арестованъ, засуженъ и засаженъ на мѣсяць въ тюрьму предсѣдатель окружнаго суда, маститый старикъ—Антоновъ. У кого-то при обыскѣ отобрали мануфактуру, выданную по карточкѣ изъ потребилсовки. Обыватели обалдѣли. Тоуговка сѣмьячками удивлялась:

— Чудной народъ сталъ: навродѣ, какъ всѣ больные.

Интеллигенція ушла въ себя и робко мечтала въ семейныхъ кружкахъ, что, авось, кто-нибудь явится, и дѣло поправится. Но „кой-кто“ являлся, а дѣло не улучшалось. Такъ, замаячилъ по улицамъ комиссаръ просвѣщенія Тихонъ Петровъ. Видный мужчина и красивый—помѣсь татарки съ южнымъ казачкомъ. Открыто заявилъ, что онъ—не большевикъ. И вѣрно: носилъ все время на груди золотой георгіевскій крестъ, пожалованный, по преданію, самимъ собой себѣ самому. Повелъ вскорѣ центръ-развѣдку противъ самого Миронова.

Казачи угрюмо молчали. Ихъ сзывали на „станичный совѣтъ“, что замѣнили собой станичный сборъ. Казачи хмурились и задавали неумѣстные вопросы властямъ:

— А кто васъ выбиралъ? Почему казаками управлять хохоль Долбилычъ?

Комиссары напускали туману „о равенствѣ всѣхъ гражданъ“, о диктатурѣ пролетаріата, но иногда и глазами моргали, когда изъ рядовъ летѣлъ прямой вопросъ:

— Скажи-ка, товарищъ Рожковъ, сколько въ Россіи пролетаріату?

Рожковъ затрудняется.

— Эхъ ты! Я, грить, отъ пролетаріату действую; брешешь, братъ!

На защиту встаетъ г. Стариковъ—членъ совдепа изъ молодежи, но ранній—однако его тотчасъ же окатываютъ:

Гимназистъ Подольскій, обвинявшійся большевиками въ покушеніи на жизнь предсѣдателя военно-революціоннаго комитета Рожкова въ ст. Усть-Медвѣдицкой. Застрѣленъ безъ суда на Свѣтлой недѣлѣ въ тюрьмѣ.

— Твое дѣло быковъ красть! У буржуевъ говоришь, красть? А я ништо-ль не буржуй—последнюю коробенку свели!

Тутъ выходилъ изъ себя Мироновъ и начиналъ кричать, кусая длинный устъ: арестую! Но въ отвѣтъ неустрашимо неслося:

— Не одному всѣхъ арестовывать, а всѣмъ одного: это проще!

Будущій Стенька Разинъ овладѣвалъ собой и собраніе затихало. Такъ обычно бывало, а вотъ въ послѣдній разъ вышло иначе. Въ самый „такой“ моментъ надо же было появиться Старкову. Это былъ тоже комиссаръ. Говорилъ онъ больше звуками да мимикой—совершенно неудобоваримо. Старковъ, взгромясь на майданъ и поводя безумно пьяными глазами, сталъ закуривать папиросу. На поясѣ бряцалъ огромный револьверъ. Казаки зажглись:

— Не смѣй курить въ правленіи! Долой, къ чортовой матери!

Поднялась суматоха, атмосфера накалилась. И вдругъ совершенно неожиданно затарахтѣлъ пулеметъ совдепа.

Сборъ въ злобной обидѣ разбѣжался.

Въ половинѣ марта пришли слухи-путешественники, что усть-хоперцы не признаютъ совдепа и выбрали атамана Видно, духъ умершаго Каледина виталъ надъ родной станицей. Какой-то хуторъ такъ принялъ одного комиссара, что едва ноги унесъ. Словомъ, стало ясно, что казачество пошло „розно“ съ совдепией. Но чѣмъ сильнѣе былъ протестъ на периферіи, тѣмъ энергичнѣе давили на центръ. Рожковъ догадался:

— Ученые—вотъ чума; ученость—вотъ причина! Надо интеллигенцію въ корни подсѣчь.

И объявилъ военное положеніе съ цѣлью безпрепятственнаго уловленія вредителей. Ночью было арестовано человекъ тринадцать: студенты, офицеры, судейцы. Безъ мандатовъ и ордеровъ. Арестованныхъ сбили въ кучу на улицѣ и повели.

Рожковъ, вооруженный и винтовкой, и револьверомъ, и бомбами, командовалъ отрядомъ. Подошли къ тюрьмѣ. Рожковъ эффектно задумался и вдругъ приказалъ: „Мимо! Дальше!“ У арестнаго дома команда повторилась.

— Куда же это?—догадываются арестованные.

И едва ли пріятно были удивлены, когда очутились на „Чортовомъ мысу“,—нѣчто въ родѣ Тарпейской скалы надъ Дономъ,—и замѣтили, что ихъ строятъ въ шеренгу... для разстрѣла.

— Никогда въ жизни не забуду этихъ нѣсколькихъ минутъ,—сообщалъ одинъ студентъ:—душа словно разорвалась на части и вылилась въ дѣтскихъ рыданіяхъ.

А другъ народа, глубочайшій социалистъ, посмѣялся, поиздѣвался и приказалъ всѣхъ вести въ тюрьму.

День ото дня комиссары становились свирѣпѣй. Начали ѣсть другъ друга, безконечно пили. Каждому хотѣлось крѣпче утвердиться, но на чемъ? Одни старались опереться на „трудовой народъ“, цѣлыми днями болтающій и шелкающій сѣмьячки на нижнемъ базарѣ,—другіе, чтобы привлечь симпатіи, устраивали праздники свободы, при чемъ вѣшали на помостѣ Россію (картина), около нея ставили двухъ охранниковъ со штыками, а сверху надписывали: „свобода, равенство и братство!“ Третьи пытались уловить публику при помощи прессы: газеты „Муравей“. Но „Муравей“ оказался, какъ есть Крыловскій: какъ ни тянулся, а въ муравейникъ со стыдомъ вернулся. Четвертые выписали изъ Михайловки мужей крови и брани, красногвардейцевъ, и сѣли на ихъ штыкахъ...

Однако шепотъ, робкіе протесты слышны стали ужъ ясны. Въ великопостномъ чистомъ звонѣ слышалась угроза, и барометръ—Рожковъ, замѣтивъ, что склонно къ перемѣнѣ, выпросилъ себѣ отпускъ для поправленія здоровья, разстроеннаго большими дозами декретовъ. Но, увы!

Прискалъкъ Стариковъ, комиссаръ по восточной въ усть-Медвѣдицкой совдепа.

Ночкой темною, дождливою пробирался комиссаръ распрощаться съ душой-дѣвицей. И въ ворота ужъ вошелъ, какъ вдругъ „нѣкто въ сѣромъ“, что крапся за нимъ всю дорогу, быстро прыгнувъ, вонзилъ въ затылокъ револьверную пулю и скрылся во мракѣ ночи. Кто былъ убійца? Рожковъ, придя въ сознаніе, указалъ на гимназиста Подольскаго, который и былъ тотчасъ же

препровожденъ за желѣзныя рѣшетки. Случай возбудилъ. Повсюду стали слышны рѣчи.

Въ ночь подъ Великое Воскресенье ждали усть-хоперцевъ. Поднялись-де, не нынче-завтра будутъ... Изъ Михайловки на страхъ врагамъ прикатилъ главковерхъ Горячихъ, собственноручно застрѣлилъ въ тюрьмѣ безъ суда и слѣдствія гимназиста Подольскаго и уѣхалъ, выбросивъ грозное объявленіе:

— Если вы да что-нибудь, да какъ-нибудь того.. приведу всю свою армию—120000 человекъ, камня на камнѣ не оставлю!!!

— Три нуля лишнихъ приахнуль!—смѣялись станичные ребята.

* * *

Пасха была невеселая. „Мимо прошла, а насъ за грѣхи наши не посѣтила“, какъ выражался одинъ старикъ. Люди стали бояться другъ друга, даже хорошіе знакомые. Помалкивали да нещадно смѣчки лускали. Къ девяти часамъ улицы замирали, только рыскали красно-репейцы да приставали къ запоздавшимъ прохожимъ. Порой трещали пулеметы. Совдепъ нервничалъ. Приходили отъ казаковъ делегаты и уходили съ угрозами. Мироновъ приказалъ почтарю держать наготовѣ двѣ тройки, лучшихъ. Электричество сгущалось, и вотъ-вотъ долженъ былъ грянуть громъ...

Съ 28 на 29 апрѣля всю ночь лилъ дождь и бушевали вѣтеръ и ненастье. Часовъ въ одиннадцать нѣсколько минутъ потрещали пулеметы, а потомъ стало тихо, и народъ спокойно заснулъ подъ защитой дождя...

А только утро засвѣтилось, все шумно вдругъ зашевелилось.

— Казаки пришли, усть-хоперцы! Безъ боя взяли станицу.

— Гвардія бѣжала, главари арестованы!—носилось кругомъ.

Неожиданно было пробужденіе: чувствовалось смущеніе, но и радости невозможно было скрыть. Съ благодарностью смотрѣли на казаковъ—освободителей. А они... Бородачи съ вилами, баграми, съ кнутами, были серьезны и дѣловиты. Скорѣй сместили нечисть, что накопилась за нѣсколько мѣсяцевъ въ станицѣ! Поймали одного комиссара, повели, а онъ стрѣлять вздумалъ. Отняли револьверъ и порѣшили всыпать кнута. Одинъ сѣчетъ, а другой смотритъ и резонно замѣчаетъ:

— Да ты зачѣмъ же его въ мануфактурѣ сѣчешь? Она дорогая: сыми!

И всыпали уже безъ „мануфактуры“...

Скоро стало извѣстно, что Мироновъ улизнулъ.

Будто только Пасха началась. Заговорила гармошка. Задребезжали, залились подголосками усть-хоперскіе пѣвцы. Публика заполнила улицы, въ комнаты шумъ ворвался.

— Будь, что будетъ!—говорили станичники.—Только бы не эта антихристовая Совдепья!..

М. Коноваловъ.

На родинѣ Каледина.

Родина А. М. Каледина Усть-Хоперская станица—глухой уголокъ въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ. Расположена она вдали отъ желѣзной дороги. Поэтому долгое время послѣ того, какъ въ центрахъ Усть-Медвѣдицкаго округа—станицѣ Усть-Медвѣдицкой и слободѣ Михайловкѣ—уже господствовала совѣтская власть, въ Усть-Хоперской оставался атаманъ. Станичники-старики и не думали мѣнять древне-казачьяго названія, къ которому они привыкли, съ которымъ сжились.

За совѣты ратовали только „агитаторы трудовой власти“—кое-кто изъ казаковъ-фронтовиковъ и солдатъ.

Какъ-то на станичномъ сходѣ одинъ изъ черезчуръ разговорившихся «агитаторовъ» былъ свергнутъ съ трибуны старикомъ и тутъ же получилъ отъ нѣкоего фронтовика ударъ кулакомъ въ лицо. Такое поведеніе казаковъ, осмѣлившихъ нарушить неприкосновенность личности такого высокопоставленнаго лица, какъ «агитаторъ», по слухамъ получающаго отъ вожди красныхъ войскового старшины Миронова 10 рублей въ сутки, не прошелъ даромъ. Они были осуждены Усть-Медвѣдицкимъ трибуналомъ на три дня тюремнаго заключенія. Атмосфера сгущалась.

На одномъ изъ станичныхъ сходовъ атаманъ попросилъ чтобы его освободили отъ власти, мотивируя свой отказъ недоброжелательнымъ отношеніемъ къ нему фронтового казачества. Отказъ былъ принятъ, и нужно было приступить къ выбору новаго атамана, ибо старики все-таки не хотѣли под-

чиниться молодежи и думали настоять на своемъ. Назначили одного кандидата въ атаманы—онъ отказался; другой—то же самое. Перебрали такъ человекъ 12—15, и никто не соглашался брать булаву. Стать аманомъ, значить подвергнуть свою жизнь опасности, такъ какъ, если станичники не избытуютъ, то «комитетчики изъ Усть-Медвѣдицы» арестуютъ. И вотъ пришлось старикамъ volens-nolens утверждать власть «на совѣтской платформѣ» (последнее выраженіе особенно часто сквозило въ рѣчахъ «агитаторовъ»). Оказалось, что и на должности предсѣдателя совѣта тоже не мигомъ найдешь кандидата. Но все-таки послѣ нѣсколькихъ отказовъ предсѣдатель нашелся. Правда, онъ не походилъ на совѣтскихъ главковерховъ и, навѣрное, больше согласился на должность предсѣдателя изъ-за матеріальныхъ выгодъ (жалованіе было приличное), но въ данномъ случаѣ это не играло большой роли: самое главное нужно было соблюсти названіе „предсѣдатель“. Выбрали старики и остальныхъ членовъ совѣта, переименовали станичный сходъ въ «сѣздъ совѣтовъ» и разлѣхались по своимъ куренямъ, чтобы заняться мирнымъ трудомъ.

А въ станицѣ сталъ засѣдать совѣтъ, который, нужно сказать, ничѣмъ, за исключеніемъ немногихъ лицъ, не отличался отъ прежней власти. Совѣтскіе приказы, идущіе вразрѣзъ съ казачьими взглядами и интересами складывались подъ сукно, а Усть-Медвѣдицкій окружной совѣтъ чуть не каждую недѣлю присылалъ предписанія, чтобы печать станичнаго правленія была замѣнена печатью станичнаго совѣта. Но съ этимъ медлили.

По временамъ сѣзжался со всѣхъ хуторовъ сѣздъ совѣтовъ, который всякій новый разъ становился все «контр-революціоннѣй» и «контр-революціоннѣй». Составлялись такіе приговоры, такъ что предсѣдателю приходилось дѣлать оговорку, чтобы его защитилъ весь сѣздъ совѣтовъ въ случаѣ, если его арестуютъ за проведеніе въ жизнь подобнаго приговора.

Между тѣмъ Мироновъ, очевидно обезпокоенный такимъ поведеніемъ усть-хоперцевъ, сталъ присылать изъ Усть-Медвѣдицы телеграммы, чтобы такихъ-то лицъ взяли на подозрѣніе, какъ «ненавистниковъ революціонной демократіи и контр-революціонеровъ». Особенно изобиловали такими «контр-революціонерами» хутора по рѣчкѣ Иуцкану: Большой и Калединъ (населенный дальними родственниками покойнаго атамана А. М. Каледина).

По предписанію Миронова предсѣдателю совѣта нужно было побывать тамъ лично, чтобы предупредить и увѣщевать «саботажниковъ». Предсѣдатель поручилъ эту миссію своему товарищу, какъ болѣе ревностному защитнику совѣтской власти, но тотъ похвѣхавъ наотрѣзъ отказался, въ виду наличія на вышеуказанныхъ хуторахъ сорока винтовокъ. Пришлось ограничиться тоже предписаніемъ предсѣдателямъ хуторскихъ совѣтовъ.

Наступила Пасха. Еще въ Великомъ посту нѣкоторые казаки мечтали, чтобы къ Свѣтлому празднику сбросить «большевизню» и выгнать изъ предѣловъ Донской области «красногвардію», но этого сдѣлать не удалось. Къ Пасхѣ и фронтовое казачество сдѣлало большой сдвигъ вправо.

На третій день Пасхи сѣзхался сѣздъ совѣтовъ. Настроеніе этого сѣзда было совершенно контр-революціоннымъ. На повѣсткѣ дня стоялъ докладъ делегатовъ областнаго ростовскаго сѣзда совѣтовъ. Помимо этого въ видѣ сюрприза предполагалось обнародованіе совѣтскаго приказа о налогѣ на четвертаго быка и т. п. Начался докладъ делегатовъ. Одинъ читалъ рѣчи представителей отъ разныхъ округовъ и между прочимъ рѣчь представителя Усть-Медвѣдицкаго окружнаго совѣта Алаева. По прочтеніи его рѣчи вслуду послышалось:

Ген. А. М. Калединъ (въ молодости).

разныхъ округовъ и между прочимъ рѣчь представителя Усть-Медвѣдицкаго окружнаго совѣта Алаева. По прочтеніи его рѣчи вслуду послышалось:

1. Полн. Шура, 2. французскій военный агентъ капитанъ Бенъ, 3. представитель союзниковъ мистеръ Элиасъ-Леонъ, 4. адъютантъ полн. Шуры есаулъ Колодинъ, остальные—личный конвой полн. Шуры.

— „А кто его уполномочивалъ говорить это, да еще отъ всего округа?“ „Кѣмъ онъ избирался?“ „Арестантами да волами!“

Нужно замѣтить, что усть-хоперскихъ представителей на выборахъ окружного совѣта не было, такъ какъ тогда въ станицѣ была власть агаманская, да и, вообще окружной совѣтъ былъ избранъ маленькой кучкой. Такимъ образомъ, докладъ делегатовъ съ областного сѣзда станичникамъ-усть-хоперцамъ не понравился.

Въ этотъ же день председатель Еланскаго хутора, расположеннаго на другой сторонѣ Дона, прочиталъ передъ всемъ сѣздомъ воззваніе казаковъ Мигулинской станицы, просившихъ о помощи противъ бандъ красной гвардіи, направляющихся въ юртъ станицы Мигулинской. По прочтеніи воззванія еланскій председатель спрашивалъ у сѣзда разрѣшенія, какъ ему поступить въ виду близости его хутора къ тому району—присоединиться ли къ мигулинцамъ, или держати нейтралитетъ. Вопросъ этотъ былъ лишь оправданіемъ для прочтенія воззванія, такъ какъ председатель Еланскаго хутора принадлежалъ тоже къ «контръ-революціонерамъ» и просто хотѣлъ ознакомить своихъ станичниковъ съ положеніемъ дѣла.

Отвѣта онъ, кажется, не получилъ, но масло въ огонь было подлито. Сѣздъ затянулся на другой день, который оказался историческимъ днемъ въ жизни станицы Усть-Хоперской и всего Усть-Медвѣдickaго округа. Совершилось то, чего многіе такъ сильно ждали и что до этого казалось лишь несбыточной мечтой.

На сѣздѣ прискакалъ изъ хутора Большаго, вооруженный казакъ, который сообщилъ приблизительно слѣдующее:

— «Мигулинцы разбили красногвардейцевъ, забрали массу оружія, орудій, пулеметовъ и снарядовъ и полторы тысячи пѣшихъ. Когда они гнали пѣшихъ въ станицу Каменскую, то часть пѣшихъ была отбита у нихъ жителями стободы Чистяковки, расположенной рядомъ съ юртомъ станицы Усть-Хоперской. Мигулинцы прислали за помощью на усть-хоперскіе хутора Калединъ и Большой. Тѣ моментально вооружились и пошли на Чистяковку. Сейчасъ Чистяковка обложена кругомъ, и тамъ сражаются большинцы и калединцы».

Эта вѣсть всполошила весь сѣздъ, и онъ безповоротно объявилъ мобилизацію противъ красной гвардіи всего населе-

нія отъ 17 до 50 лѣтъ. Въ станичное правленіе были приглашены мѣстные офицеры и имъ сѣздъ предложилъ руководительство мобилизованными войсками, избравши начальникомъ гарнизона Войскового Старшину А. В. Голубинцева. При этомъ станичники приказали офицерамъ и казакамъ сейчасъ же надѣть погоня, заявляя такъ: «не хотимъ вась видѣть въ арестанскихъ халатахъ (шинеляхъ безъ погоня). Всемъ казакамъ было приказано явиться черезъ два часа къ станичному правленію въ томъ вооруженіи, какое у кого есть. По хуторамъ это приказаніе повезли сейчасъ же сами члены сѣзда».

Въ 12 часовъ дня черезъ часъ послѣ объявленія мобилизаціи къ станичному приѣхалъ первый вооруженный казакъ. Кто-то ему заплотировалъ, но не на-

шелъ поддержки. Чувствовалась какая то нерѣшительность, многіе боялись неудачи.

Началась запись казаковъ и иногороднихъ въ конную и пѣшую сотни. Кто имѣлъ лошадь записывался въ конницу, остальные шли въ пѣхоту. Настроеніе фронтовиковъ теперь было уже совсемъ не большевистское. Все хотѣли постоять за казачество и Донъ.

Къ часу дня было зарегистрировано около ста конныхъ и полтора ста пѣшихъ. Изъ всѣхъ нихъ вооруженными винтовками оказалось только человекъ 20—25. Послѣднихъ тотчасъ же выслали за заставу по направленію къ станицѣ Усть-Медвѣдickaй, дабы они никого туда не пропускали. Важно было сохранить въ тайнѣ отъ усть-медвѣдickaихъ комиссаровъ все происходящее въ Усть-Хопрѣ. Съ тою же цѣлью были арестованы все «агитаторы».

Однако усть-хоперская мобилизація не осталась тайною для усть-медвѣдickaго совѣта. Два девятнадцатилѣтнихъ подростка: одинъ изъ иногороднихъ, другой изъ казаковъ переправились на другой берегъ Дона, гдѣ заставъ не было, и другой стороной прошли въ Усть-Медвѣдицу.

Такъ какъ полая вода еще не совсемъ въ то время вошла въ берега, то лугъ за Дономъ представлялъ изъ себя рядъ острововъ. На одномъ изъ острововъ этихъ бѣглецовъ встрѣтилъ старикъ, который хотѣлъ переловить ихъ, но не могъ этого сдѣлать, ибо первые оказались рѣзвѣе его. Тогда онъ донесъ о бѣглецахъ въ образовавшійся въ Усть-Хоперскѣ штабъ освободительныхъ войскъ, откуда были посланы въ поимку за бѣглецами добровольцы изъ молодыхъ, вооруженные винтовками. Но было уже поздно. Бѣглецы успѣли вбродъ выбраться на сухое мѣсто и спокойно отправиться въ Усть-Медвѣдицу.

На другой день 26 апрѣля войсковой старшина Голубинцевъ поѣхалъ на хуторъ Большой для формированія сотни изъ казаковъ, возвратившихся послѣ взятія Чистяковки. Въ его отсутствіе Мироновъ, узнавшій отъ тѣхъ двухъ перебѣжчиковъ о происходящемъ въ Усть-Хоперской, пригласилъ председателя совѣта къ телеграфному аппарату. Вместе съ председателемъ къ аппарату пошли начальникъ усть-хоперскаго штаба подпоручикъ Ивановъ и оставленный за начальника гарнизона станицы Усть-Хоперской подесаулъ Говорухинъ. Первымъ вопросомъ Миронова было:

«Что интересного и неприятного в Усть-Хоперской?» Усть-Хоперский председатель отвечал все с согласия присутствующих офицеров. Он сказал, что интересного и неприятного в Усть-Хоперской ничего нет, что он и все члены совета на своих местах. Нужно заметить, что съездом во избежание всяких нареканий советская власть, конечно, по названию была на первых порах оставлена в неприкосновенности, а движение проходило под лозунгом «борьбы с красной гвардией». Вопрос о переходе власти был отложен на будущее время.

Миронов, не удовлетворившись ответом, спросил о действиях войскового старшины Голубинцева и о причинах ареста четырех лиц. Очевидно он имел в виду только своих «агитаторов». Председатель ответил, что съездом избран В. С. Голубинцев начальником дружины, формируемой для самозащиты от разбойничьих банд, направляющихся под именем красной гвардии с верховьев Дона, а арест был вызван недоверием, выраженным съездом советом ныне арестованным лицам.

Миронов посоветовал усть-хоперскому председателю не скрываться за спиной народа, обругал председателя и потребовал представить в Усть-Медведицу к 6 часам вечера арестованных и делегацию, а иначе в Усть-Хоперскую придут карательный отряд. При этом он прибавил, чтобы по карательному отряду не было произведено ни одного выстрела, ибо в противном случае не ручается за последствия. На этом разговор окончился.

Атмосфера стухнула. Многие уже начали сомневаться в успехе начатого дела, потому что стоять с 20 винтовками при нескольких патронах против карательного отряда, вооруженного пулеметами, да еще неизвестно какой чис-

ленности было рискованно. Решено уже было в случае критических обстоятельств отступить на хутор Большой, где можно было обогатиться еще 40—50-ю винтовками. Так как требование Маронова было не исполнено, то вечером стали ждать карательного отряда, но он не появился. В это время вспомнили, о чем ранее вбодыхах совершенно забыли, что телеграфная линия между Усть-Медведицей и Себряковом проходит через Усть-Хоперскую и, таким образом, представлялась возможность хоть немного узнать о происходящем там. Перехваченные телеграммы дали много утешительного, и у всех отлегло от сердца. Советская власть в Усть-Медведицкой нервничала. Миронов вызвал из Себрякова свой летучий отряд на помощь. Через два часа начальник этого отряда Рзыниченко отменял это приказание и сообщал о своем отъезде из Усть-Медведицы в Себряково. Все телеграммы были в этом духе: делались приказания, а через некоторое время отменялись. В некоторых говорилось о невозможности подавления «всех гидр уездных и волостных контр-революций», и «святом долге сражаться с ивцами» и т. п.

Одни из телеграмм перехватывались прямо в Усть-Хопер и направлялись далее в извращенном виде. Однако это было замечено усть-медведицкими главковерхами. В Усть-Хоперскую отходил телеграфный шлейф и, таким образом, представлялась возможность отрезать его и соединить Усть-Медведицу и Себряково непосредственно. Но наши почтово-телеграфные чиновники не дремали и, пользуясь отсутствием стражи, снова включили Усть-Хоперскую в телеграфную линию. Опять стало известно, что делается у противника.

В 12 часов ночи 26 апреля в Усть-Хоперском штабе было получено сообщение от войскового старшины Голу-

Въ станѣ красныхъ.

Революционный полк кубанского главковерха Соронина (х).

Ген. А. М. Калединъ (въ первые годы службы въ Новочеркасскѣ).

бинцева, что въ 2 часа ночи прибудетъ въ Усть-Хоперскую хорошо вооруженная сотня большевцевъ и каледицевъ. Настроение стало приподниматься. Сотня прибыла во-время, и у нея на полтора человека было 40 винтовокъ; это считалось великолѣпнымъ вооружениемъ. Къ утру прибыла другая сотня; эта была вооружена слабѣе. На площади былъ отслуженъ молебенъ. Теперь бояться было нечего. Тѣмъ болѣе, что стало извѣстно о возвращеніи обратно въ Усть-Медвѣдицу карательнаго отряда, который прошелъ 5 верстъ, а дальше идти убоился. А Мироновъ на митингѣ въ Усть-Медвѣдицѣ сказалъ:

— «Можетъ быть я говорю съ вами въ послѣдній разъ».

Очевидно онъ предчувствовалъ конецъ своего господства въ Усть-Медвѣдицѣ.

Наступленія на Усть-Медвѣдицу пока не предпринималось. Отчасти ожидали пушекъ, обѣщанныхъ Верхне-Донскимъ округомъ, отчасти нужно было лучше организовать. Пушекъ однако не дождался, а рѣшили сдѣлать наступленіе въ ночь подъ 29 апрѣля. Командный составъ дѣйствовалъ первоначально въ согласіи съ избранными связью нѣсколькими стариками. Это было сдѣлано для того, чтобы для всѣхъ было ясно, что возстаніе возглавляется не какою-либо кучкою людей, а всѣмъ народомъ.

Прежде чѣмъ наступать на Усть-Медвѣдицу, рѣшено было послать туда делегацію съ предложениемъ, чтобы красногвардейцы и комиссары добровольно ушли изъ предѣловъ Усть-Медвѣдицкаго округа и тѣмъ представилась бы возможность обойтись безъ кровопролитія. Отъ связца избрали два делегата и по одному отъ дѣйствующихъ сотенъ. Всего набралось, кажется, 6 человекъ.

Вечеромъ 28 апрѣля делегація вмѣстѣ съ войсками отправилась въ Усть-Медвѣдицу. Начальникомъ всѣхъ сотенъ, дѣйствующихъ противъ Усть-Медвѣдицы, былъ назначенъ Голубищевымъ подесаулъ Говорухинъ. Не доходя до Усть-Медвѣдицы версты 3—4, войска остановились, а делегаты отправились въ станицу.

Сдаться добровольно Мироновъ не согласился, делегатовъ стариковъ отпустилъ, а фронтовиковъ оставилъ у себя. Однако оборонять Усть-Медвѣдицу вмѣстѣ съ своими «товарищами» Мироновъ очевидно не думалъ, такъ какъ въ 12 часовъ ночи уѣхалъ въ Себряково, захвативши съ собою оставленныхъ имъ делегатовъ. Красная же гвардія осталась сражаться въ Усть-Медвѣдицѣ, но была разбита усть-хоперскими казаками, несмотря на свое техническое превосходство.

29-го апрѣля утромъ вся Усть-Медвѣдица была въ рукахъ усть-хоперцевъ. Захвачены были пѣнные, около 20 пулеметовъ и значительное количество винтовокъ, такъ что части, дѣйствующія противъ Усть-Медвѣдицы, вооружились почти наполовину. Патроновъ оказалось мало. Красногвардейцы успѣли

ихъ вывезти. Увезены были также изъ казначейства деньги, большая часть которыхъ впрочемъ была отбита посланными вдогонку казаками. Вмѣстѣ съ деньгами были пойманы нѣкоторые комиссары.

Въ этотъ же день вернулись въ Усть-Медвѣдицу делегаты-фронтовики, которыхъ Мироновъ отпустилъ, опасаясь за участь своей семьи, оставшейся въ Усть-Медвѣдицѣ.

Усть-медвѣдицкіе жители встрѣтили усть-хоперцевъ какъ будто бы съ радостью, но съ мобилизаціей почему-то медлили. Быстро присоединились къ Усть-Хоперской Ново-Александровской станице, Распониинская, Клятская, хотя между ними были хутора, предпочитавшіе нейтралитетъ. Появились такъ называемые «нейтралитетчики», выкинувшие у своихъ хуторовъ бѣлый флагъ. Въ самой же Усть-Медвѣдицѣ господствовала какая-то неразбериха. Можетъ быть это отчасти объясняется тѣми угрозами и терроромъ, наведеннымъ на усть-медвѣдицевъ красной гвардіей, но только усть-хоперцы остались крайне недовольны поведениемъ Усть-Медвѣдицкой станицы.

Черезъ нѣсколько дней войска, теперь уже состоявшія не только изъ усть-хоперцевъ, но и изъ другихъ, присоединившихся къ нимъ, станицъ переправились на лѣвый берегъ Дона. Красногвардейцы были на хуторѣ Зимникахъ. Подъ Зимниками дѣло было ликвидировано быстро, и боевая линія перешла подъ х. Себряковъ Кепинской станицы. Здѣсь съ горы Арчединской станицы противникъ сталъ бить изъ артиллеріи. У казаковъ еще не было пушекъ, а въ патронташахъ было только по десятку, а у кого и по три патрона. Поэтому, когда красногвардейцы повели наступленіе, казаки дрогнули и поспѣшно начали отступать. Однако красногвардейцы, не вполне использовали это отступленіе и остановились опять около х. Зимниковъ. Оказалось, ѣхала какая-то делегація изъ Себряково. Хотя послѣ усть-медвѣдицкаго опыта рѣшено было больше не вступать ни въ какіе разговоры съ красными, но такъ какъ эта делегація была не отъ нихъ, а отъ связца сѣверныхъ станицъ округа въ Михайловкѣ, ее приняли. Было заключено перемиріе на 2-е сутокъ.

Цѣль пріѣхавшей делегаціи была ликвидировать дѣло мирнымъ путемъ и въ вопросѣ относительно выхода красногвардейскихъ частей изъ предѣловъ области, она соглашалась съ ними. Разногласія существеннаго не касались, и была надежда на хорошій исходъ дѣла. Но вышло не такъ, какъ думалось. Красногвардейцы, не дождавшись даже размѣна делегацами и окончанія срока перемирія открыли боевыя дѣйствія. Вскорѣ они заняли Усть-Медвѣдицу и были близки къ Усть-Хопру, на который «точили зубы» и грозили не оставить камня на камнѣ. При чемъ они такъ были увѣрены въ себя, что въ Усть-Медвѣдицѣ на митингѣ опредѣленно заявили, что Усть-Хоперской уже не существуетъ. Да это, навѣрное, осуществилось бы и на дѣлѣ, если бы не геройскій подвигъ сотника Каледина съ семью казаками. Красногвардейцы въ составѣ человекъ 50 уже переправились на правый берегъ Дона вблизи Усть-Хоперской; съ ними было два пулемета. Наши 8 смѣльчаковъ отбили ихъ наступленіе и заставили ихъ уйти обратно только одними винтовками.

А въ Усть-Хоперской въ это время была уже паника. Мѣстные большевики моментально подняли головы. Были даже подстрекательства за то, чтобы арестовать всѣхъ офицеровъ и выбросить бѣлый флагъ. Къ счастью, этого не произошло. Въ Усть-Хоперъ прибыла одна пушка, и духъ казачій воспрянулъ. Красногвардейцы, доселѣ увѣренные въ отсутствіи у казаковъ оружія и услышавшіе выстрѣлы изъ шестидюймовки, струсили.

Усть-Медвѣдица, побывши два дня въ рукахъ красныхъ, послѣ боя была вторично занята казаками. Потери красногвардейцевъ были велики: много убитыхъ, до 150 попавшихъ въ плѣнъ и до 200 потопленныхъ въ Дону. Хорошо дѣйствовалъ здѣсь партизанскій отрядъ, составленный преимущественно изъ учащихся, подесаула Алексѣева. Между прочимъ при вторичномъ взятіи Усть-Медвѣдицы отличился герой послѣдней войны съ германцами казакъ станицы Усть-Хоперской Козьма Крючковъ, снявшій постъ красныхъ въ 6 человекъ.

Послѣ вторичнаго взятія Усть-Медвѣдицы дѣло наладилось. Была установлена прочная связь со всѣми боевыми отрядами войска донского и съ Новочеркасскомъ, откуда стали получаться помощь въ видѣ снарядовъ и оружія, а въ послѣдствіи пришли на помощь и войска.

Такимъ образомъ, дѣло усть-хоперцевъ, поднявшихся первыми противъ большевиковъ въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ, увѣнчалось успѣхомъ, и Усть-Медвѣдицкій округъ понемногу началъ сбрасывать съ себя ненавистное иго большевизма.

Александръ Петровъ.

Ударные батальоны 1917 года.

(Наброски и воспоминания).

На какой бы ступени развития ни находилась та или иная народность, в души каждого народа неизбежно живет национальная идея.

Выражаясь в первой, низшей своей стадии идеей защиты своего очага, национальная идея эволюционирует и прогрессирует в соответствии с расширением умственного горизонта массы.

Задача живых сил страны, ее интеллигенции, пробуждать и культивировать в душах своего народа этот священный огонь в самой первобытной его форме, так как только таким путем возможно объединение масс и создание государства.

Много ли осталось в России людей, вярщих в ее национальное возрождение?

А если не вярить? Что дѣлать?

Ударные батальоны, как все, несомненно практичное, появились впервые на Западѣ, но требования жизни вызвали появление их и у насъ.

На Западѣ, при поразительной разработанности техники военных дѣйствий, в период позиционной войны, явилась необходимость специального обучения особаго типа пѣхоты, богато снабженной орудиями техники матерiальной.

Жертвы гржданской войны.

Синкеръ Новол, военного училища И. Н. Греховъ, убитъ подъ ст. Выселки на Кубани.

Шт.-капитанъ корниловскаго полка (студентъ) А. П. Символь, скончавшiйся отъ ранъ, полученныхъ на Кубани 20 июля с. г.

Появились такъ называемыя штурмовыя части изъ особо подобранныхъ сильныхъ и смѣлыхъ людей.

Въ исканiяхъ новыхъ факторовъ побѣды, при измѣнившихся условiяхъ позиционной войны, было признано необходимымъ не давать противнику покоя даже въ периоды затишья и непрерывными малыми, неожиданными ударами заставить его быть всегда на чеку.

Для такого рода поисковъ или мелкихъ ударовъ и были впервые образованы на Западѣ штурмовыя или ударныя войска.

Черезъ нѣмцевъ это новшество перешло къ намъ, и еще генералъ Гурко въ особой армii ввелъ гренадерскiе взводы съ особымъ курсомъ обучения и изъ особо подобранныхъ людей для движенiя въ атаку впереди штурмующихъ войскъ и для производства мелкихъ развѣдывательныхъ поисковъ.

Дѣло у насъ шло къ образованiю и употребленiю ударныхъ войскъ въ томъ же видѣ, какъ и на Западѣ.

Однако, новая начала, если можно такъ выразиться, вложеныя въ организацию русской армii послѣ 28 февраля 1917 года, въ корни подорвали не только нормальное развитiе техники военного искусства, но и основы самой армii.

Приходилось думать уже не о штурмовыхъ частяхъ для особаго вида боя, но о частяхъ, вообще годныхъ къ какому бы то ни было бою.

Естественное разложениe русской армii вызвало естественное стремленiе лучшихъ элементовъ этой армii личнымъ примѣромъ увлечь за собой митингующую и потерявшую какое бы то ни было представлениe о своемъ долгѣ массы. На этой почвѣ, на всѣхъ фронтахъ, частью по почину начальства, частью инициативой отдѣльныхъ лицъ, въ концѣ апрѣля и въ маѣ 1917 года начали возникать ударныя и штурмовыя части и части смерти.

Такъ въ 8 армii, по инициативѣ генеральнаго штаба капитана Нѣжинцева и съ разрѣшенiя командовавшаго тогда 8 армiей генерала Корнилова была сформирована 1 ударный стряжъ имени генерала Корнилова изъ офицеровъ и унтер-офицеровъ нѣсколькихъ полковъ. Этотъ отрядъ принялъ участiе и отличился въ операци 8 армii подъ Калушемъ. Въ августѣ этотъ отрядъ былъ переименованъ въ корниловскiй ударный полкъ, а послѣ 28 августа въ 1 Россiйскiй ударный полкъ. Возсозданный въ декабрѣ 1917 года на Дону, онъ нынѣ является первымъ полкомъ добровольческой армii.

Въ 7 армii, при штабѣ ея, по инициативѣ одного поручика, имя котораго, къ сожалѣнiю, не сохранилось, была сформирована, съ разрѣшенiя командующаго армiей, штурмовый батальонъ смерти изъ добровольцевъ, служащихъ въ тыловыхъ и специальныхъ войскахъ при штабѣ армii. Этотъ батальонъ, подъ командой полковника Гофмана, принялъ участiе въ бою на Лысонской позици и былъ переименованъ въ Лысонскiй штурмовый батальонъ.

Такимъ же явочнымъ порядкомъ, на ряду съ все прогрессирующимъ разваломъ частей фронта, инициативой отдѣльныхъ лицъ начали образовываться здоровыя въ политическомъ и военномъ отношенiяхъ части, присваивавшiя себѣ названiе штурмовыхъ или ударныхъ батальоновъ или частей смерти.

Это былъ противовѣсъ разложенiю массы и попытка честныхъ русскихъ солдатъ и не растерявшихся офицеровъ создать здоровыя части для поддержки фронта и личного примѣра мужества и вѣрности долгу.

Такимъ образомъ, если на Западѣ ударныя и штурмовыя части появились по волѣ начальства, какъ особый родъ войскъ для специальныхъ задачъ, вызванный къ жизни особыми условiями позиционной войны, у насъ подъ такимъ же названiемъ по инициативѣ отдѣльныхъ лицъ весной 1917 г. начали возникать явочнымъ порядкомъ особыя дисциплинированныя и годныя къ бою части изъ добровольцевъ,—наиболѣе сознательныхъ и идейныхъ солдатъ и офицеровъ, какъ противовѣсъ продолжающемуся разложению прочихъ частей.

Въ маѣ 1917 года на съѣздѣ делегатовъ армii юго-западнаго фронта, въ качествѣ начальника политическаго отдѣленiя штаба фронта я сдѣлалъ съ разрѣшенiя генерала Брусилова докладъ о стратегическомъ положенiи на театрахъ мировой борьбы.

Закончивъ докладъ выводомъ о необходимости наступленiя, я предложилъ какъ одно изъ средствъ подготовки наступленiя—образованiе на фронтѣ армii въ широкомъ разиѣрѣ ударныхъ частей изъ солдатъ, сохранившихъ представлениe о долгѣ передъ Родиной, съ одновременнымъ призывомъ добровольцевъ въ тылу Россii, которые показали бы фронту, что онъ не забыть Россiей и что честные русскiе люди, даже не обязанные военной службой, добровольно идутъ на фронтъ для продолженiя борьбы во имя сохраненiя чести и жизненныхъ интересовъ родной страны.

Мое предложенiе было принято и немедленно же, 23 мая, генераломъ Брусиловымъ былъ отданъ приказъ о началѣ широкаго формированiя ударныхъ батальоновъ на фронтѣ, а также утверждень планъ формированiя ударныхъ революционныхъ батальоновъ изъ волонтеровъ тыла. Ударнымъ частямъ былъ присвоенъ отличительный знакъ—красно-черный шевронъ на лѣвомъ рукавѣ угломъ внизъ.

Образованiе ударныхъ частей фронта имѣло большое значенiе для группированiя надежныхъ войскъ на важнѣйшихъ направленияхъ предполагавшихся ударовъ предстоящаго наступленiя.

Дѣло организации ударныхъ частей фронта было передано въ руки команднаго состава при содѣйствии выборныхъ войсковыхъ организаций.

Формированiе же ударныхъ батальоновъ изъ волонтеровъ тыла было возложено на особый комитетъ. Въ этой организации дѣятельнѣйшее участiе приняла первая Черноморская делегаци изъ офицеровъ, матросовъ, солдатъ и рабочихъ Чернаго моря. Она выдѣлила изъ своей среды членовъ комитета по формированiю и дала людей для агитаци по всей Россii.

Я былъ избранъ предсѣдателемъ комитета и такимъ образомъ сталъ во главѣ организаци.

Пунктомъ сбора волонтеровъ было назначено мѣстечко Дунаевцы у г. Каменецъ-Подольска. Черноморцы были командированы съ цѣлью агитаци и призыва волонтеровъ во всѣ крупныя центры Россii. Главнымъ начальникомъ снабженiя армii Ю.-З. фронта генералъ Эльснеръ широко пошелъ навстрѣчу дѣлу формированiя и благодаря ему никакихъ задержекъ въ снабженii не было. Генералъ Брусиловъ, назначенный въ то время

Верховным Главнокомандующим, вызывая меня и приказав формировать батальоны распространить на все фронты. В связи с этим был отдан особый приказ Верховного Главнокомандующего от 13 июня 1917 с измененной и дополненной редакцией плана формирования, причем с проектом приказа был ознакомлен начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Лукомский.

Комитеты по формированию ударных революционных батальонов были учреждены при штабах всех фронтов и центральный при ставке Двло формирования сразу расширился.

Интересно отметить, что существовавший в то время при ставке главный комитет союза офицеров армии и флота, к которому я обратился с просьбой содействовать формированию, ответил отказом, т. к. опасаясь, что ударные революционные батальоны явятся рассадником большевизма. Последующие события показали, насколько неосновательны были эти опасения.

Вообще в двлб формирования ударных революционных батальонов мне пришлось столкнуться с противодействием и недоверием среднего начальства и массы офицерства и одновременно с таким же—но с обратной точки зрения—недожелательством и подозрением в контр-революционности со стороны комитетов и темной массы солдат.

Ни первые, ни вторые не поняли и не оценили истинных побуждений, привлечших на фронт добровольцев.

Мы оказались одиноки.

Невозможно изобразить ту атмосферу сарказма, ядовитых насмешек, издевательства и злостных сплетен, в которой приходилось работать.

Больше всего мешало формированию исполнительный комитет Юго-Западного фронта, который несколько раз требовал от комиссаров временного правительства прекращения формирования и отстранения меня, как неблагонадежного в смысле революционности.

Цбной больших трудов и тренировок 28 июня был закончен формирование 1 революционный ударный батальон, которому военным министром Керенским было присвоено название батальона Свободы, Равенства и Братства. Им командовал георгиевский кавалер инженер донской казак капитан Талалаев, ныне полковник, командир донского саперного полка.

6 и 8 июля были сформированы 1 и 2 Оренбургские ударные революционные батальоны под командой капитана Отта и полковника Блейша (последний ныне находится в добровольческой армии).

10 июля—юнкерский ударный батальон под командой поручика Попова.

12 июля 2 и 3 ударные революционные батальоны.

Последние три были сведены по приказу генерала Корнилова в 1 ударный революционный полк под моим командованием.

После этого я оставил комитет, Ю.-З. фронта, который продолжал начатую работу в м. Черкасы, сформировав еще 10 батальонов.

В это время—после буффа 18 июня,—когда дружно побуждали свободнейшая в мире русская армия Юго-Западного фронта, командовавший Ю.-З. фронтом генерал Корнилов прилагал все усилия, чтобы остановить безудержный поток дезертиров и именно 10 июля отдал свой знаменитый приказ о возстановлении смертной казни, в резерв фронта в его распоряжении не было ни одной надежной части. Таковыми оказались лишь только что сформированные ударные революционные батальоны. Генерал Корнилов лично и через генерала Духонина отдал мне приказание о направлении этих батальонов в важнейшие узлы для задержания дезертиров и для выполнения его решительных приказов.

1 батальон под Тарнополем установил порядок, разстрелял 14 мародеров, причем 1 рота в течение 4 часов вела бой с германцами, прикрывая Тарнополь с северо-запада и потеряв сто человек из 160, отступила в порядок и лишь по приказанию.

1 Оренбургский батальон занял Волочиск, после чего, как доносил капитан Отт, дезертиры пошли далеким обходом.

2 Оренбургский батальон был двинут на Трёмбовлю, где прямо из вагонов вступил в бой и повторной атакой в штыки спас положение 2 Финляндской дивизии и 45 армейского корпуса, потеряв из 1200 человек 700, но не отступив до приказа.

За этот бой все оставшиеся в живых люди батальона были награждены генералом Корниловым георгиевскими крестами.

Юнкерский ударный батальон, заняв Проскуров, собрал в первые сутки прибытия 6000 дезертиров, из которых я приказал формировать маршевые роты. Курьезно, что большая часть дезертиров при этом выразила желание записаться в «ударники», но конечно принята не была.

На почве точного выполнения юнкерским батальоном словесного приказа Корнилова о решительных мерах впоследствии возникла длинная история с преданием командира батальона и меня, как командира полка, суду за превышение власти.

2 и 3 батальоны, еще неотданные, продолжали формироваться у Ярмолинец.

В дальнейшем юнкерский батальон был переброшен на Черновицы и расформирован. Ко мне в полк прибыл 1 Омский ударный батальон и 10 августа полк в состав 3 батальонов выступил на позицию.

Эта краткая картина работы батальонов на Юго-Западном фронте, развернувшаяся у меня на глазах, достаточна, чтобы разбить предубеждения против нашего формирования.

Нашей общей мечтой было свести возможно большее число батальонов, чтобы образовать ударный кулак, столь на сущно необходимый неустойчивому фронту. Кое-какие шаги в этом направлении были сделаны. В XI армии образовывались ударные группы войск полковника Пльшкова. К сожалению, по неизвестным мне причинам, генерал Корнилов уже Верховный Главнокомандующий, запретил сводить ударные батальоны и разрешил оставить лишь 2 полка—корниловский и 1 ударный революционный полк. Остальные батальоны были розданы по дивизиям, где не было своих ударных батальонов. Существовало, впрочем, и течение в сторону урегулирования ударных войск. Так, был предположен институт инспекторов ударных частей (в 7 армии—полковник Янковский), но—повторяю—почему то значение ударных батальонов для данного момента не было учтено, и вместо того, чтобы собирать, нас разсредоточивали, т. е. ослабляли, при этих условиях ударникам стало больше чем трудно быть на фронте в августе, сентябре, октябре, когда большевизм уже проник в толщу армии и части оканчивали разлагаться. Глухая вражда к нам со стороны массы проявлялась настолько остро, что, напр., солдаты 11 финляндского полка били из окопов по моим разведчикам из пулеметов, чтобы не дать им идти вперед.

Только действительно высокая и чистая идея, собравшая этих людей в грозный час последнего испытания гражданственности русского человека, поддерживала их.

Были, конечно, малодушные, невыдерживавшие травли и просившие отпустить их, и их отпускали, но оставшиеся теснее смыкали ряды.

Здесь я увверовал в русское сердце и в лучших людей.

Мы замерли на тех лозунгах, которые провозгласили, и остались верны им и самим себе, своей чести и долгу перед родной страной, когда кругом вакханалия «углубления революции», и мы быстро оказались на крайнем правом крыле.

Как и что было на других фронтах,—не знаю. До меня доходили лишь отрывочные сведения. Но картина в общем была та же.

Собравшись, как сознательные свободные граждане, волонтеры чувствовали, в какую пропасть ведет страну политика Керенского, и у нас было много разговоров о походе на Петроград для разгона советов, но... Корнилов не вспомнил про наши 40 батальонов в решительный час 27 августа и этим поставил нас в тупик.

Если бы нас собрали, я уверен, мы, как один человек, двинулись бы с красно-черным знаменем во имя спасения родины и революции, разогнали бы Петроградский совет и дали бы отпор тому, кто еще мог спасти армию.

Но он, повидимому, нас недостаточно понял и не использовал. Мы же были в этот период чрезвычайно сильны своей сплоченностью, дисциплиной,—а главное абсолютно не боялись агитации и разложения.

Но, повторяю, мы были разбросаны и лишь с большим трудом поддерживали связь только с стоявшими по соседству батальонами.

Жертва гражданской войны.

...а жандармы конторы бр. Нарамоновых ростовцев П. А. Нарфагеский, доброволец ростовского студенческого полка, умер от ран, полученных в боях под ст. Ново-Дмитриевской на Кубани.

Я настоятельно просил по командѣ о созывѣ при ставкѣ съѣзда командировъ всѣхъ ударныхъ частей и частей смерти, но отвѣта не было.

Развалъ армии продолжался. Не видя кругомъ ни слова ни знака поддержки, мы таяли и гибли.

Такъ погубило здоровое начинаніе. Такъ померкла національная идея, жившая до конца въ сердцахъ горсти людей подѣ знакомѣ ударниковъ въ стихіи безудержно и бессмысленно топтавшей эту идею массы.

На сторонѣ этой массы была подавляющая численность. И это подавило идею, но я вѣрю, что высокая и чистая идея национальности вновь какъ кристалль очистится въ сердцахъ истинно-русскихъ людей и блескомъ своимъ затмитъ грязь, споры и малодушіе послѣдняго времени и имя русскаго вновь будетъ звучать такъ же гордо, какъ прежде звучало.

В. Манакинъ.

Святой Георгій.

Душа, точно бѣлая птица, плывущая муромской жутию.

Ни крикнуть. Ни вздрогнуть. Доколѣ? Не скажетъ, не вымолвить Русь.

Я выѣхалъ ночью въ дорогу, осеннюю ночью въ распутье,

И кто мнѣ предскажетъ, вернусь ли и вѣрно уже не вернусь.

И если судьба начертала—не выдержитъ сабли кольчуга,

И шлемъ золоченый прогнется и сломится кованый мечъ,—

Я знаю въ пургу и во выюгу, когда-то въ какую-то выюгу

Ты выиграешь, Родина, ты лишь послѣднюю жаркую сѣчь.

Березки твои, какъ невѣсты, и грустные иноки—сосны,

А дѣвушки, въ лентахъ и бусахъ, и золото-спѣлая рожь!

А ночи, какъ черныя косы, и утра серебряникъ росный,

А за голиницей татарской разбойничій выгнутый ножъ!!

Изъ храма въ кабацкія двери. Отъ Минина въ Стенькину шайку,

А завтра молитвы да вздохи. И снова камаринскій плясъ.

Скакунъ охмѣлѣлъ, но все время бока его хлещетъ нагайка.

И вѣтви сосновыя хлещутъ горящіе вѣнчики глазъ.

Темно. Но скакунъ не споткнется. Россія не броситъ поводья—

Пусть муромскій лѣсъ неизвѣданъ и узкихъ тропинокъ не счесть

Какою поѣхать? Какою? Бушуетъ въ лѣсу непогоде.

И скоро-ль опушка? О, будетъ! Но скоро ли—Богъ ее вѣсть.

Пусть мечутся дьяволы ночи надъ хлябями русской дороги,

Но въ часъ предназначенный встанетъ, взойдетъ въ московскомъ Кремлѣ

На лошади бѣлой, какъ выюга, Святой Побѣдитель Георгій.

Я чую. Я слышу шуршанье трехцвѣтнаго флага во мглѣ.

Ник. Венерикъ.

Иисусова пѣхота.

Коротко гласитъ удостовѣреніе, выданное штабомъ партизанскаго отряда генерала-майора Семилѣтова отъ 19 мая 1918 года за № 57 о томъ, что Георгій Кожинъ дѣйствительно былъ раненъ 19 марта у хутора Курочкина и оставленъ на полѣ.

А между тѣмъ подѣ этой неизвѣстной доселѣ широкимъ кругамъ фамиліей еще полгода назадъ жилъ юноша, въ которомъ билось юное горячее сердце, полное искренней любви къ родинѣ и Дону, гдѣ въ глуши въ небольшой слободѣ жилъ тотъ на порѣ девятнадцатой весны юноша.

Георгій Павловичъ Кожинъ—сынъ священника донской епархіи и въ моментъ поступления въ «партизанскій отрядъ войскового старшины Семилѣтова»—воспитанникъ IV класса Донской Духовной Семинаріи.

Послѣ смерти А. М. Каледина, атаманъ Назаровъ прилагалъ неимоверныя усилія, дабы защитить столицу Дона отъ нашествія враговъ, но не было реальной силы, способной воплотить въ дѣло великолѣпные планы сраженій.

Объявленная кругомъ мобилизація дала единицы бойцовъ и тогда для защиты Дона пришлось вербовать изъ китайцевъ-разносчиковъ шелка и семинаристовъ—„Иисусову пѣхоту“.

„Иисусова пѣхота“ не уклонилась отъ мобилизаціи, какъ это сдѣлала въ эти тревожные дни „сыны Дона“ казаки,—а въ огромномъ большинствѣ своемъ явилась на зовъ круга. Одна изъ первыхъ ролей въ дѣлѣ пробужденія „Иисусовой пѣхоты“—принадлежитъ юношѣ Кожину.

Сильный духомъ, какъ и тѣломъ, Георгій Кожинъ сумѣлъ повлечь

словами, а затѣмъ и дѣломъ на своихъ товарищей-семинаристовъ, и своимъ примѣромъ свыше двухсотъ человекъ увлекъ въ партизаны, чтобы въ далекихъ калмыцкихъ степяхъ сохранить истинный духъ свободы казачества и сумѣть передать его пробудившимся казакамъ.

Мечты молодыхъ орлятъ Дона сбылись и не было предѣла ихъ радости, когда къ генералу П. Х. Попову прибыла депутація станичниковъ съ просьбой:—дать имъ оружіе, организовать и руководить ихъ полками для освобожденія Дона и его столицы отъ красногвардейцевъ.

Легко переносилъ тяготы похода Георгій Кожинъ и даже ободрялъ болѣе слабыхъ духомъ соратниковъ.

Немного болѣе мѣсяца прошло со дня выхода отрядовъ П. Х. Попова изъ Новочеркасска: тридцать пять дней непрерывной боевой походной жизни! Изъ юноши, готовившагося въ земной своей жизни пользоваться „мечомъ духовнымъ“—словомъ, выросъ юноша—опытный воинъ,—одинъ изъ лучшихъ пулеметчиковъ отряда атамана Попова.

Въ ночь на 19 марта, выполняя одну изъ боевыхъ задачъ, отрядъ, въ которомъ былъ и Кожинъ, попалъ въ весьма тяжелое положеніе, будучи окруженъ красногвардейцами—въ Сальскомъ округѣ въ районѣ зимовника Скороходова, между хуторами Курочкинымъ и Савоськинымъ.

Вся тяжесть положенія отряда естественно пала на пулеметную команду, изъ 28 человекъ которой возвратилось только четыре. Въ числѣ 24 палъ тяжело раненный и Кожинъ и былъ оставленъ на полѣ сраженія. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна, ибо оставшіеся въ живыхъ отступили изъ этого района.

До послѣдней ленты израсходовалъ патроны Кожинъ, отбивая своимъ пулеметомъ наступавшихъ красногвардейцевъ, прикрывая отступление своихъ. Будучи раненъ въ бокъ на вилетъ, онъ потерялъ возможность оставаться на своемъ посту. Близкіе и даже родственники—боевые товарищи прилагали усилія вывести его изъ сферы огня, но въ это время онъ былъ раненъ еще четыре раза: въ руку, въ ногу, въ голову и въ шею. Послѣ этихъ ранъ передвиженіе тяжело раненнаго было сопряжено съ неимоверными физическими для него болями. Да и обстановка боя сложилась настолько неблагоприятно, что не было возможности вывезти его. Обстоятельства вынудили оставить вдохновителя „Иисусовой пѣхоты“ на полѣ чести!!!

Послѣдняя просьба «пристрѣлить его, а не оставлять живымъ на поруганіе красногвардейцамъ» указываетъ на ту ду-

Воспит. новочерк. духовной семинаріи Г. П. Кожинъ, партизанъ отряда ген. Э. Х. Семилѣтова, оставленный тяжело раненнымъ на мѣстѣ боя 19 марта с. г. въ Сальскихъ степяхъ.

живую мощь, которой был проникнуть Кожинъ даже въ послѣднія мгновенія жизни.—Но... не поднялась родственная рука лишить его жизни, и тяжело раненный въ обѣ ноги хорунжий Михинъ, командиръ семинаристовъ, услыхавшій стоны, освѣдомился „кто раненъ“, и поспѣшавши о томъ, что погибъ „хорошій пулеметчикъ“, пообѣщавъ ему пристрѣлить его и себя, если будетъ къ тому необходимость.

На этомъ всё свѣдѣнія о Кожинѣ прерываются.

Д. М.

Рис. Константина Аладжамова.

Послѣдніе чернецовцы.

Послѣ смерти Чернецова подъ ст. Глубокой его партизаны ушли въ Новочеркасскъ, а оттуда черезъ степи съ Кожиловымъ на Кубань.

Чернецовскій отрядъ состоялъ изъ молодежи: кадетъ, гимназистовъ, реалистовъ,—все это юноши пятнадцатилетнихъ, объединенные и сплоченные заботами Чернецова, а его храбростью заложены каждому партизану лучшіе задатки война. Эти добровольцы были всё, какъ одинъ; забыты были обычныя ссоры гимназистовъ и кадетъ; каждый помнилъ, что пошелъ ради идеи.

— Не я, такъ другой посмотритъ на плоды нашихъ рукъ.

Впрочемъ они болѣе беззаботно относились къ самимъ себѣ и къ будущему, чѣмъ это казалось, что свойственно характеру юношей. Не забыть той веселой пѣсни партизанъ, идущихъ въ бой подъ ст. Хомутовской! А развѣ изгладится изъ памяти красивая атака подъ Выселками, гдѣ часть

Чернецовцы.

Воспит. новочерк. агаман. техн. училищ. В. В. Раздоринъ, убитъ на Кубани подъ ст. Выселки 3 марта с. г.

Студентъ москов. университета Н. С. Марченко, убитъ подъ ст. Дихой 18 января с. г.

ваться, и гдѣ былъ раненъ ихъ начальникъ, капитанъ Курочкинъ. Стройно держалась жидкая цѣпь остатковъ отряда. А сколько еще такихъ атакъ, гдѣ чернецовцы продвигались впередъ, идя во весь ростъ подъ свѣтѣйшимъ огнемъ и сбывая на своемъ пути въ нѣсколько разъ большаго противника.

Но отрядъ все таялъ и таялъ. Въ ст. Кореновской пополнили партизанъ кубанскими казаками, но то были оторванные отъ сохи, а не учащаяся свѣтлая молодежь и лучшіе воины чернецовцы, украсившіе своими могилами непривѣтливую Кубань. Это было все, чѣмъ могло гордиться войско донское въ то время, лучшихъ соколовъ тогда у него не было.

Съ каждымъ боемъ партизанъ становилось все меньше и меньше, но дружна была маленькая семья чернецовцевъ. Никто о своихъ раненыхъ такъ не заботился, какъ эти маленькіе партизаны, навѣщая при первой возможности своихъ друзей.

— Кончится все, Петька, мы опять на одной партѣ будемъ сидѣть,—иногда проскальзывавъ разговоръ.

Покинувъ Донъ, юноши такъ же ревностно исполняли свой воинскій долгъ на Кубани, объединенные общимъ любимцемъ, капитаномъ Курочкинымъ, командовавшимъ отрядомъ послѣ смерти Чернецова, шли въ бой, зная, что это не послѣдній, что еще много будетъ такихъ боевъ, но никто не могъ предполагать, что настанетъ роковой день, когда перестанетъ существовать отрядъ, когда ихъ останется такъ мало, что и отрядомъ то назвать нельзя будетъ.

И такой день насталъ. Утромъ 21 марта чернецовцевъ послали брать мостъ черезъ рѣчку Аюпсъ и ст. Смоленскую. Чернецовцы бодро шли по лѣсу въ атаку, но лишь стали выходить изъ чащи, какъ съ другой стороны рѣчки были встрѣчены ураганнымъ огнемъ. Несмотря на это, было приказано взять мостъ.

Маленькіе партизаны дружно бросились въ послѣднюю атаку, но—добрались до моста только нѣсколько человекъ, залегшіе тамъ же, остальные пали смертью беззаветно храбрыхъ и ранеными, тихо стонущими и взывающими о помощи...

На другой день за колонной полковъ печально шли остатки чернецовскаго отряда, за ночь схоронившіе своихъ убитыхъ товарищей.

Эти остатки пополнили кубанскими казаками и назвали Чернецовской сотней партизанскаго полка.

Такъ прекратилъ свое существованіе отрядъ полковника Чернецова, а вскорѣ, въ бою подъ Екатеринодаромъ, былъ убитъ любимый Курочкинъ, своею храбростью поддерживавшій бодрый духъ юношей, своею выносливостью (за походъ онъ имѣлъ 5 ранъ) былъ примѣромъ ревностной службы. Смерть капитана была большой потерей для сотни.

Нѣтъ отряда и его первыхъ вождей, но осталась память о нихъ. Ихъ никогда не забудутъ юноши будущихъ поколѣній и воспоютъ въ пѣняхъ своихъ.

Е. А.

Чернецовскаго отряда залегла только тогда, когда въ цѣпи осталось 13 человекъ, сейчасъ же начавшихъ отстрѣли-

Россійскому интеллигенту.

Обезлюдѣютъ партіи, фракціи,
Сгложутъ мыши „святыя знамена“.
Къ берегамъ неизбѣжной реакціи
Ты причалишь свой челнъ облегченно.

Превратишься опять въ обывателя,
И обманутый краткой весною,
Будешь плакать въ жилетку пріятелямъ,
Монотонно попрежнему ноя.

Плача, скажешь друзьямъ: „Поглядите-ка,
Революція срамно погибла;
Охъ, въ конецъ надоѣла политика,
Отъ партийности душу отшибло“...

Разувѣрясь въ общественномъ творчествѣ,
Ты вернешься къ привычной утѣхѣ:
Отъ марксизма уйдешь въ богоборчество,
Покаянныя выпустишь „Вѣхи“.

Рис. Леонида Кудина.

Метаморфозы.

Изъ Совдепій.

На границѣ.

На Украинѣ.

Чтобы душу бесильно-бездарную
Убаюкать мотивомъ веселымъ,
Плюнешь ты на проблему аграрную
И займешься проблемою пола.

Развлечетъ тебя, дряблага, соннаго,
Бичеваніе собственной плоти.

И не скоро ты съ пыломъ влюбленнаго
Возвратишься къ мечтамъ о свободѣ

Ты вторично позналъ, что брыкается
И брыкается больно свобода
Такъ начни жъ „забываться и каяться“,
Какъ тогда, послѣ пятого года.

Извела доканала политика!
Лучше тлѣть средь „духовныхъ исканій“,
Снова быть безотвѣтственнымъ нытикомъ
И показывать кукишъ въ карманѣ.

Т. Ольбинетъ.

Старые знакомые.

Ночной порою они выходятъ изъ книжнаго шкафа,
старья тѣни изъ пожелтѣвшихъ томовъ. Чацкіе, Печорины,
Репетиловы и Чичиковы, Сколозубы и Хлестаковы.

И, пропуская ихъ мимо себя,
думаешь, что бы дѣлали они въ
наши дни?

Александръ Андреичъ Чацкій
проговорился какъ-то:
— Французикъ изъ Бордо.
Вѣроятно, грѣшилъ бы въ
Кіевѣ „оріентаціей“.

Репетилловъ суетился бы въ
Кіевѣ на съѣздѣ правыхъ.

— Шумимъ, братецъ, шумимъ.

Молчалинъ угодливо даже
„собакъ дворника, чтобы ласкова
была“ на Украинѣ, говорилъ бы:

— Панъ добродій.

Сколозубъ ушелъ на службу
въ красную армію. Вѣдь тамъ
фельдфебеля въ Вольтеры легче
всего поставить.

Чичиковъ несомнѣнно хлѣборобъ.

Милѣйшій Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій—повітовый староста.

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ гдѣ-то комиссаромъ.
Былъ какъ-то по подложному паспорту на Украинѣ, выпилъ
горилки и расхвастался:

— А одинъ разъ меня даже за Ленина приняли. Съ
Троцкимъ мы на ты. Какъ-то спрашиваю у него:

— Что съ тобой?
— Нейтралитетъ дерну: испанной болѣю.

— Ну что, братъ Троцкій?—Да ничего братъ, отвѣ-
чаетъ.

Онѣгинъ, добрый нашъ пріятель, кружится гдѣ-то
между Уфой и Екатеринодаромъ.

Скупой рыцарь царскія деньги собираетъ.

Илья Ильичъ Обломовъ лежитъ на диванѣ на Горохо-
вой въ Петроградѣ и ждетъ.

— Не то его въ чрезвычайную комиссію потянутъ, не
то англичане придутъ.

Его Захаръ состоитъ въ исполкомѣ.

„Дворянское Гнѣздо“ націонализировали и социализи-
ровали. Комиссаромъ—Зудотѣшинъ Петръ, Лаврецкій по-
ставленъ къ стѣнкѣ.

Базаровъ тоже объявленъ контръ-революционеромъ:
медициной занимается!

Лопухинъ въ „Вишневомъ саду“ бойко расторговался
вишневыми листьями. Въмѣсто чая идутъ. Привлекли было
къ отвѣтственности за спекуляцію, но онъ на Епиходовѣ
отыгрался. Заявилъ, будто Епиходовъ главноверхомъ былъ.
Ну, Епиходова и посадили. А Лопухинъ гуляетъ.

Нисаровъ въ Болгаріи въ партіи руссофиловъ, а Кир-
сановъ въ Россіи въ партіи германофиловъ.

Анна Каренина—въ женскомъ баталіонѣ смерти.

Рудинъ Керенскому дуэль предложилъ.

— Кто кого переговорить.

„Демонъ“ въ Грузіи. Во главѣ аппексіонистовъ Черно-
морскаго побережья.

— На воздушномъ океанѣ безъ руля и безъ вѣтриль
по направленію Сочи-Геленджикъ

В. Куріановъ.

Когда „народный гнѣвъ“ дрожить,
И „въ гнѣвѣ“ бьютъ народы стекла,—
Взгрустни, Макарь, и молви, Оекла,
Что „живъ презрительный Терситъ,—
И нѣтъ великаго Патрокла!..“

Н. Л-нѣ.

Всякъ злакъ на пользу.

Въ числѣ кубанскихъ главноверховъ одинъ сапожникъ.

Рис. Леонида Кудина.

— Армія отступать будетъ — подметни подлиннешъ

Отъ редакціи. Готовится къ печати специальный номеръ «Донской Волны», посвященный донскому писателю О. Д. Крюкову,
празднующему въ концѣ октября двадцать пятую годовщину своей литературной дѣятельности.

Въ номерѣ, помимо обычнаго матеріала, будутъ статьи, посвященныя дѣятельности О. Д. Крюкова, какъ писателя и обще-
ственного дѣятеля.

Портретъ Крюкова—работы худож. Леонида Кудина, фотографіи и зарисовки.

ВЪ НОМЕРѢ:

—стих. **Сергія Пинуса.**
В. Ф. Зеелеръ—**Виктора Сѣвскаго.**
Генераль В. Г. Болдыревъ—**М. Лембича.**
Дни гибели—**Владимира Кадашева.**
Усть-Медвѣдичская совдепія—**М. Коновалова.**
На родинѣ Каледина—**Александра Петрова.**
Ударные батальоны 1917 года—**В. Манакина.**

Святой Георгій—стих. **Ник. Вечорика.**
Исусова пѣхота—**Д. М.**
Последніе чернецовцы—**Е. А.**
Митингъ улыбокъ.
Россійскому интеллигенту—стих. **Т. Ольбинета.**
Старые знакомые—**В. Курганова.**
* * * —стих. **Н. Л-на.**

Рисунки: Константина Аладжалова, А. Н. Воронежскаго, Леонида Кудина, Валентина Полити.

Рисунки „Донской Волны“ являются ея собственностью и перепечатка ихъ допускается только съ указаніемъ источника.

Редакторъ
Викторъ Сѣвскій
(В. А. Краснушкинъ).

Издатель—т-во „Донская Волна“
въ лицѣ уполномоченнаго **Н. Т. Добролюбскаго.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый иллюстрированный еженедельник истории, литературы и сатиры

„ДОНСКАЯ ВОЛНА“

подъ редакціей ВИКТОРА СЪВСКАГО.

Редакция журнала „ДОНСКАЯ ВОЛНА“ ставит своей основной задачей широкое освещеніе событий на Дону, Кубани и Украинѣ 1917—18 г.г.

Въ журн. приним. участие: А. д'Актиль, И. Я. Александровъ (Небезсмертный), Марія Анчарова, С. Я. Арефинъ, ген. А. П. Богаевскій, Л. Л. Бычъ, полков. Л. В. Богаевскій, Мих. Борецкій (П. П. Казмировичъ), А. Бошичъ, Константинъ Бѣликъ, Ник. Вечорикъ, М. С. Воронковъ, Як. Гальскій, П. Т. Герцо-Виноградскій (Лознгринъ), Валентинъ Горянскій, ген. Е. И. Гулыга, А. Гушинъ, кн. В. Гаджемуковъ, Н. А. Добровольская, С. Г. Елатонцевъ, Мих. Долотовъ, прив.-доц. И. Дьяковъ, проф. А. М. Евлаховъ, Юрій Зубовскій, И. Зеленскій, Владимиръ Кадашевъ (В. А. Амфитеатровъ), М. Я. Карасевъ, Е. М. Кискевичъ, П. Ковалевъ, М. А. Коноваловъ, А. П. Кривошеевъ, Ф. Д. Крюковъ, Г. П. Кумовъ, Романъ Кумовъ, Н. Курмышскій, М. С. Лембичъ, В. К. Леонтовичъ, полк. Я. М. Лисовой, Николай Литвинъ, полк. В. К. Манакинъ, проф. I. А. Малиновскій, проф. Н. Ф. Мельниковъ-Разведенковъ, И. И. Митропольскій, (В. Марковъ), Ал. Михайловъ, В. Михайлова, Ф. Д. Назаровъ, М. В. Нефедовъ, полк. Новосильцевъ, Н. Огневъ, А. Павловъ, А. Петровичъ, Л. Пивоваровъ, С. А. Пинусъ, И. Ф. Поляковъ, ген. П. Х. Поповъ, проф. М. Пресманъ, М. Рафаэловъ, С. Г. Сватиковъ, ген. Э. Ф. Семильтовъ, ген. В. И. Сидоринъ, М. Г. Симоновъ, М. Соболевъ, И. Д. Сургучевъ, Викторъ Съвскій, А. Тарскій, К. Треппевъ, Ник. Туземцевъ, Б. Н. Улановъ, кн. Н. П. Ухтомскій, В. В. Филатовъ, В. А. Харламовъ, М. В. Черкасовъ, Ф. В. Черячукинъ, Евгений Чириковъ, Е. Е. Чириковъ, Савва Чукаловъ, полк. Н. В. Шинкаренко и др.

Иллюстрируютъ журналъ художники: Константинъ Аладжаловъ, А. Н. Воронецкій, Л. Дубровскій, В. Желдаковъ, Леонидъ Кудинъ, Д. И. Митрохинъ, Г. В. Петтеръ, В. Познанскій, Валентинъ Полити, Е. П. Рытченковъ, Константинъ Ротовъ, А. Сычевъ, Грегоръ Шилтъянъ, Юсь, фот. Б. П. Мищенко и др.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 мѣс.—8 руб., на 2 мѣс.—16 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 2 руб.—въ Ростова 2 руб. 20 коп.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ Ростовѣ на Дону, Соборный п. д. № 17 (противъ почты), 2-й этажъ. Телеф. (временно) 31-69.

Изъ мѣстностей, съ которыми у Дона нѣтъ денежныхъ сношеній, подписка принимается почтовыми и гербовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

№ 1 журнала „Донская Волна“ вышелъ 10 іюня с. г.

Редакторъ—Викторъ Съвскій.

Издатель—т-во „ДОНСКАЯ ВОЛНА“, въ лицѣ уполномоченнаго Н. Т. Добровольскаго.

ВСѢ СВѢДѢНІЯ высылкою безплатно для покупки моли, журнал, книги и руковод, необход. для развитія портняжнаго ремесла. Не жалейте 10 к. укажите свой адресъ и адреса знакомыхъ. Ж. Х. ЛЕВИТАНУСЪ, Харьковъ.

ТЕТРАДИ отъ 45 руб. сотая, конверты, почтовая, писчая бумага и чени каменный и писчебумаж. магазинъ **Д. Г. АЛЕКСѢЕВА** Тел. 10-09, Таганрогск. пр., уг. Московской уз. **ПОДВАЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНИЕ.**

КРАСОТА какъ стать красивой. Все для хозяйства: кремы, румяна, пудры, флеръ-де-розъ. **МАНИКЮРЪ** окраска волосъ. Б.-Садовая, 142, нижній этажъ.

ЗАВОДЪ А. Я. ЛЕВИНА Ростовъ на Дону, Б. Садовая № 127. Телеф. № 19-70. **ПРЕДЛАГАЕТЪ ФАБРИКАМЪ, РУДНИКАМЪ, ЗАВОДАМЪ КРИСТАЛИЧЕСКУЮ СОДУ** для чистки котловъ, и стирки бѣлья.

Читайте ежедневно „РУССКІЙ ГОЛОСЪ“

Постоянное участие въ газетѣ принимаютъ:

члены Госуд. Думы—А. М. Александровъ, И. П. Демидовъ, П. Н. Милоковъ, В. Д. Набоковъ; Александръ Яблоневскій, проф. Л. Н. Яснопольскій и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА—10 РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА: КІЕВЪ, Б.-ВАСИЛЬНОВСКАЯ, 38.

Телефоны: 13-37, 27-71.

БАТИНЪ

продается въ магазинѣ **Л. БЕЙЛИНЪ,** уголъ Таганрогскаго пр. и Казанской улицы.

Агентурно-комис. контора „Дѣло“ Я. Вульфмана,

Б.-Садовая, 59. Телефонъ 36-87, принимаетъ порученія по покупке и продажѣ разныхъ товаровъ. Поручено продать дома въ разн. районахъ г. Ростова и Нахичеванн и-Д., а также фабрики, заводы, мельницы и технич. принадлеж., представит. по продажѣ синьки „Слонъ“ при конторѣ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную общественную и радикально-прогрессивную газету

„БЕРДЯНСКАЯ ЖИЗНЬ“

издающуюся въ г. Бердянскѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 9 руб. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается: Бердянскъ, к-ра газ. „Бердянская жизнь“.

УТЕРЯНО

портмонъ съ документами прапорщика Корниловскаго полка **КРИВОШЕЕВА.**

Въ портмонѣ былъ золотой десятирублевикъ, который нашедшій можетъ оставить себѣ. Нужно вернуть только документы—по адресу редакціи „Донской Волны“, Соборный пер., 17.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу шутка въ 1-мъ дѣйств. **Виктора Съвскаго.**

„ХАИМЪ КЛОЦЪ-УКРАИНЕЦЪ“

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. Прод. въ конт. журн. „Донская Волна“ Соборный пер., 17.

Одобрено медициной!

Питательно! Дешево! Вкусно!

Кофе

Д-ра КНЕИПА

Москов. элентро-фабр. „ПРОГРЕССЪ“ И. I. ШЕСТАНОВА, Ростовъ на Дону, Романовская, 78. Тел. 18-88, для Украины Таганрогъ, Петровская, 13. **АРОМАТНОЕ „КОФЕ ЗДОРОВЬЕ“!** Наше Кофе одобрено медициной, принято къ пользованію больными и персонала Ростовск. Николаевск. и Еврейск. больницъ и лечебницъ. Изготавливается „РУССКІЙ ЧАЙ“ медицински-анализованный.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга В. Греть.

ГРАНЬ

(Стѣхи)

Цѣна книги 3 руб.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

НА ДНЯХЪ ВЫДЕТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ САТИРЫ И ЮМОРА

АНЧАРЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ А. ДАКТИЛЯ

Журналъ „Анчаръ“ рождается въ результатъ горячихъ желаній послужить отечеству.
 Разсчитъ строго ариѳметическій: мануфактуры на Украинѣ нѣтъ. Обуви нѣтъ. Нѣтъ медикаментовъ, галантерей, хлѣба, бумаги, угля и керосина. Пусть же будетъ хоть сатирическій журналъ!
 Скептики скажутъ:
 — Эвона! А ежели и его вывезутъ за границу?
 Не безпокойтесь. Не вывезутъ.

Во вѣдшемъ видѣ „Анчара“ есть невыгодное сходство съ карбованцами: какъ и они, водяныхъ знаковъ онъ не имѣетъ. Но зато „Анчаръ“ и менѣе протенціозенъ: парвані з кредитовими билетами не ходитъ и ходитъ не собирается. Богъ съ ней, съ самостійностью! Себѣ дороже.

Что касается сотрудниковъ, то, не останавливаясь ни передъ какими затратами, „Анчаръ“ привлекаетъ къ участию исключительно заграничныя силы: французскія, воронежскія, англійскія, рыбинскія. Отъ экватора до экватора. По амплитудѣ.
 Наиболее знаменитые изъ привлеченныхъ рыбинцевъ: Николай Агнiewiczъ, Евгенийъ Вѣнскій, И. Василевскій (Не Буква), Валентинъ Горанскій, Ефимъ Зозуля, Юрій Зубовскій, Василій Князевъ, Владимиръ Кадашевъ, Влад. Королевичъ, Николай Литвинъ, Борисъ Мирскій, Сергій Михѣевъ, Левъ Никулинъ, Левъ Пеньковский, Михаилъ Пустынинъ, Викторъ Сѣвскій, В. Черній, Санди Эйзенгардтъ и другіе.
 Художники: Н. Акимовъ, Бобрицкій, А. Воронцовъ, Д. Егоровъ (Димъ), Гарри Клиничъ, Л. Кудинъ, С. Менесъ, В. Петрушанскій, Е. Ритченковъ, К. Роговъ, Г. Цапокъ.

Цѣна отдѣльнаго №-ра 1 руб. 50 коп.

РЕДАКЦІЯ: Харьковъ, Губернаторская 5. Тел. 23—44. Контора: Сумская, 11. Приемъ подписки и объявленій въ конторѣ журнала отъ 10 до 5 час.

Л. И. Кольбергъ

ЗАВОДЫ ВОЙСКОВЫХЪ КОНСЕРВОВЪ И ЖЕСТЯН. ИЗДѢЛІЙ. — ЛИТОГРАФІЯ ПО ЖЕСТИ.

Москва и Ростовъ на Дону.

Спеціальности:

Мясные консервы для войскъ.	ЖЕСТЯНКИ для консервовъ, кофе, красокъ и т. под.
--------------------------------	--

Отдѣленіе въ Ростовѣ на Дону: Лермонтовская ул., № 54
 Тел. 91; 30-77; 30-95. Адресъ для телеграммъ: Линольбергъ;
 для писемъ: Почтовый ящикъ 368.

Фирма основана въ 1892 году.

Фирма основана въ 1892 году.

Главное Представительство Пароходныхъ Обществъ „Кавказъ и Меркурій“ и „Восточное“

въ Ростовѣ на Дону и для Сѣвернаго Кавказа
 объявляетъ, что съ 1-го октября 1918 г. перешло

къ Кубанско-Черноморскому Банку О-ва Владиміра Крестнаго въ Екатеринодарѣ, (Базарная ул., № 35), къ которому и принадлежитъ обращаться по всемъ деламъ Обществъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТЬ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ

„АРСЕНАЛЪ“

Садовая ул. 142.

Имѣются всегда винно-гастрономическіе, рыбные и кондитерскіе товары русскіихъ и заграничныхъ лучшихъ фирмъ по добросовѣстнымъ цѣнамъ. Прошу убѣдиться г.г. почтеннѣйшую публику.

Съ почтеніемъ „Арсеналь“ Сарнисовъ.

Знаменитыя папиросы

фабрики АСМОЛОВА

„БАЛЬНЫЯ“

и „ДЕССЕРТНЫЯ“

25 шт. — 2 р. 15 к.